

Борис Костин
Василий Верещагин

СКОБЕЛЕВ

Борис Костин
Скобелев (сборник)

«Костин Борис Акимович»

Костин Б. А.

Скобелев (сборник) / Б. А. Костин — «Костин Борис
Акимович»,

ISBN 978-5-9902354-4-1

С именем генерала от инфантерии Михаила Дмитриевича Скобелева, которого в народе называли «Белым генералом», связаны многие блестящие победы русского оружия. Ему принадлежит значительная роль в присоединении к России Туркестана. Русско-турецкая война 1877–1878 годов за освобождение Болгарии принесла ему славу полководца, «Суворову равному». Неизмеримы заслуги Скобелева в деле славянского единения, а вся его короткая, но яркая жизнь является убедительным примером беззаветного служения Отечеству.

ISBN 978-5-9902354-4-1

© Костин Б. А.
© Костин Борис Акимович

Содержание

Борис Костин	6
«...Не более как сын русского солдата»	7
Призвание – служба	17
В Туркестане	23
Из-за чего начинаются войны	35
В ожидании войны	46
Переправа	50
Хорошее начало – не всегда половина дела	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

**Борис Костин, Василий Верещагин
Скобелев (сборник)**

© Клуб «Ода», 2015

© Художественное оформление. Замятин Н. В., 2015

Борис Костин Белый генерал

«...Не более как сын русского солдата»

Петербург. 17 сентября 1843 года¹. Часы собора Петра и Павла пробили полночь, отзвучал гимн, по булыжнику гулко прошагала смена караула. Крепость затихла, и только в доме коменданта во всех окнах горел свет и безмолвно суежилась прислуга. У дверей одной из комнат собралось почти все население комендантского дома. Вдруг тишину нарушил надрывный крик и через мгновение раздался младенческий плач. Двери открылись, и женщина, вытирая руки о белоснежный передник, с улыбкой произнесла: «С сыночком вас, Дмитрий Иванович, а вас, Иван Никитич, с внуком». Новоиспеченные отец и дед новорожденного, не сдерживая эмоций, крепко обнялись. Рождение первенца у поручика лейб-гвардии Кавалергардского полка Дмитрия Ивановича Скобелева праздновали буйно, с песнопениями, пальбой. На семейном совете долго решали, какое имя дать малышу.

Православный календарь в сентябре изобилует упоминаниями святых с именем Михаил, канонизированных церковью. Среди них первый митрополит Киевский, князя Черниговский и Тверской, архистратиг Михаил, поборник справедливости и добра. Может быть, это обстоятельство и повлияло на выбор имени. Решение назвать мальчика Мишей закреплено записью, сделанной при крещении в церковной книге Петропавловского собора.

Комендант Петропавловской крепости генерал от инфантерии Иван Никитич Скобелев, повесив над люлькой шпагу с надписью «За храбрость», предопределил будущее внука. Малыш лежал тихо, запеленатый в атласное одеяло, в чепчике с ажурными кружевами. Изящная колыбель, убранная заботливыми материнскими руками, слегка покачивалась на шелковых полотнищах. Что вспомнилось в этот миг старому воину? Генерал от инфантерии не баловал близких рассказами о детстве и юности. Да и воспоминания носили безрадостный оттенок и лишь бередили душу. Ни в сытости, ни в праздности семья Скобелевых не жила и главной заботой домочадцев была забота о хлебе насущном. Она, однако, не вытесняла из помыслов юноши мечты и надежды на будущее. Выбирать и творить его предстояло только самому. Возможно, Иван Скобелев разделил участь своих сверстников, если бы не боевое прошлое отца. В доме часто звучала песня:

Гром победы, раздавайся!
Веселися, храбрый росс!..

Отставной сержант Никита Скобелев не раз слышал победное ликование русских воинов и сохранил в памяти множество эпизодов из баталий. Рассказчиком он слыл отменным – и потому в долгие зимние вечера в его избе, где в красном углу светила лампадка, потрескивала лучина, за большим суковатым столом собирались деревенские ребятишки и, тесно прижавшись друг к другу, пошмыгивая носами, с нетерпением ожидали очередного повествования о славном времени, о походах и сражениях, о начальниках, с которыми приходилось делить ратные труды.

Странно, но даже в третьем томе «Русской родословной книги» (издание 1878 года), куда занесен род Скобелевых, отец Ивана Никитича упоминается без отчества. Исследователи генеалогических корней distinguished российских семей в прошлом веке натолкнулись на преграду, которую создал ни кто иной, как сам Иван Никитич, неоднократно заявляя, что родословная Скобелевых начинается с него².

---

¹ Все даты до 1917 года приводятся по старому стилю. Скобелев родился в день памяти святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии. – Здесь и далее примечания автора.

² Английский журналист Марлей в одной из своих статей, вышедших в Лондоне в 1882 году сообщил, что якобы род

Скрывать что-либо, по сути, не имело смысла. Количество однодворцев в России ежегодно пополнялось служилыми людьми, вышедшими в отставку. Небольшой надел земли и средства на обзаведение хозяйством давали возможность обустроиться в новой жизни. Личная свобода предполагала и свободу выбора супруги. Никита Скобелев связал судьбу с дочерью помещика Корева, жившего по соседству. В приданое за Татьяной Михайловной отставной сержант получил небольшую деревушку Чернышино в Калужской губернии. Век главы семейства Никиты оказался недолгим и он обрел вечный покой на погосте собственной вотчины. А вот Татьяна Михайловна дожила до глубокой старости. Умерла она в 1828 году, когда Ивану Никитичу исполнилось сорок шесть лет.

Иван был младшим сыном и потому материнская любовь и нежность безраздельно принадлежали ему. Дорогой ее сердцу сыночек, шутливо называемый «поскребышем», был и ершист, и непоседлив, и охочий до новин. Матушка шаг за шагом открывала перед Иваном чудесный мир книги. И не беда, что книг-то было всего две – Библия да молитвенник, они поучали добросердечию, заложили в характере Ивана Скобелева христианское долготерпение. Матушкины труды, как мы убедимся далее, даром не пропали. Научив Ивана распевным молитвам, чтению и письму, она, дочь боевого офицера и жена солдата, сумела внушить сыну сызмальства и понятие о святости царской службы.

Царь. Вера. Отечество. В те далекие времена эти слова звучали совестливым наказом любому россиянину, и величина расстояния от столицы до глубинки Российской империи, где проживали Скобелевы, вовсе не преуменьшала их значения. Ивану Скобелеву с юных лет были чужды праздность и благодушие, а слово «долг» прочно обосновалось в лексиконе простолюдина, ставшего впоследствии российской знаменитостью. А началось его восхождение к генеральским эполетам и аксельбантам с прошения о зачислении «в воинскую службу на казенный кошт», с котомки со ржаным караваем, с посоха и лаптей, которые отмерили долгий путь от села Новиковки Самарской губернии до Оренбургской укрепленной линии.

Вольноопределяющийся Первого Оренбургского пехотного полка Иван Скобелев пролил немало соленого пота, прежде чем заслужил скупую похвалу бывалых воинов. Заметило рвение юноши и начальство, в глазах которого Иван Скобелев был «молодцом, твердым в правилах службы». Добиться признания у однополчан во многом помог и характер Ивана. Обладая незаурядным даром песенника, лихой танцор и балагур, он вносил особую живинку в суровое солдатское бытие. И даже тогда, когда Иван Скобелев чувствовал обойденным себя по службе, он не роптал и не предавался унынию. «За Богом молитва, за царем служба никогда не пропадет», – рассуждал Иван Скобелев, не имевший всемогущих родственных связей, и сам торил себе дорогу к признанию. Увы, все свершалось чересчур медленно. В 1795 году – он сержант. И только лишь в 1804 году Скобелев получил производство в первый офицерский чин. 1806 год был отмечен новым повышением – Иван Скобелев стал подпоручиком и был назначен полковым адъютантом 26-го егерского полка, которым командовал И. М. Эрикссон. Именно с этим полком, выступившим в 1807 году в Пруссию, связано боевое крещение Ивана Скобелева. В реяции об успешном сражении под Петерсвальде имя Скобелева упоминалось несколько раз, а наградой стал орден св. Анны IV степени³.

В феврале 1808 года русские войска перешли границу Финляндии. В любой войне стратегия и тактика определяют характер и способы боевых действий, но в этой войне вовсе не они являлись главенствующими. Неимоверная стужа, мрачные скалы, непролазные болота,

---

Скобелевых ведет свое начало от шотландских эмигрантов, имевших фамилию Скобей. Эти сведения журналист почерпнул у русского посланника в Бухаресте барона Стюарта.

³ Орден св. Анны учрежден в 1735 году герцогом Голштейн-Готторпским Карлом Фридрихом, отцом будущего русского императора Петра III, в память своей жены Анны Петровны. Для орденского девиза он заимствовал первоначальные буквы имени рода своей супруги «А. I. P. F.», т. е. «Анна, Императора Петра Дщерь». Девиз ордена: «Amantibus Justitiam, Pietatem, Fidem» («Любящим правду, благочестие, верность»). В капитул российских орденов включен Павлом I.

свирепые ураганы проверяли на прочность боевую выучку и стойкость русского солдата. В соперничестве с противником и стихией он выстоял и победил. На заснеженных полях Скандинавии утверждались военные дарования П. И. Багратиона, Я. П. Кульнева, Н. Н. Раевского, М. Б. Баркляя де Толли – военачальников, которые не обошли вниманием заслуги Ивана Скобелева. Из двадцати сражений, в которых он принимал участие, наиболее памятным был переход по льду Ботнического залива и взятие Аландских островов. Награды: золотая шпага с надписью «За храбрость» и орден св. Владимира IV степени⁴.

Бой при кирхе Куортане стал последним для Ивана Скобелева в Шведской кампании – неприятельское ядро оторвало два пальца на правой руке и сильно контузило в грудь. Генерал Раевский поручил лечение Скобелева домашнему доктору, а когда герой пошел на поправку, предложил должность старшего дивизионного адъютанта – на Дунае возобновилась затяжная война с Турцией. После штурмов турецких крепостей Шумлы и Силистрии Иван Никитич вынужден был подать в отставку «за ранами и увечьем, с мундиром и жалованьем». Орден св. Анны III степени Иван Никитич получил, находясь на излечении в столице. Император Александр I, подписавший рескрипт о награждении, к монаршей благодарности присовокупил солидное денежное вознаграждение и лично подыскал боевому офицеру место пристава в Московском округе Санкт-Петербурга. Возможно, что с этим назначением навсегда завершилась военная карьера Ивана Скобелева, если бы не наступил 1812 год. Нехлопотная полицейская служба сразу стала постылой и тягостной. Знакомые незлобиво подшучивали над Иваном Никитичем: дескать, тот стал камер-пажом у князя А. И. Горчакова, который по отсутствию Баркляя де Толли управлял военным министерством. Скобелев сутками пребывал в приемной и добился-таки своего. Михаилу Илларионовичу Кутузову, назначенному на должность главнокомандующего русской армии, требовался ординарец, и Скобелев стал сущей находкой для генерала от инфантерии.

Бородино, Тарутино, Малый Ярославец – названия мест, достопамятных для русской военной истории. Иван Никитич впоследствии не без гордости говорил о своем участии в славных сражениях Отечественной войны 1812 года. Когда русская армия вышла на берега Немана, откуда началось и печально закончилось наполеоновское нашествие, главнокомандующий недосчитался многих ординарцев. Скобелеву повезло. Из кровопролитных батальей он вышел цел и невредим, имея репутацию храброго и распорядительного офицера. Чин полковника и очередной орден св. Анны II степени стали признанием его заслуг.

В ходе кампании в штабе русской армии сложилось необычное трио. Главнокомандующий, Михаил Илларионович Кутузов, отлично знавший солдата и ценивший его ратный труд, Скобелев, дока по части меткого словца и излюбленных прибауток из солдатского лексикона, и московский ополченец Василий Жуковский, наделенный незаурядным поэтическим даром. Не оттого ли реляции подкупали простотой и правдивостью, а бюллетени находили горячий отклик у соратников, что составлялись они людьми, для которых слово «Отечество» не было пустым звуком.

События героические и незабвенные нашли отражение и в проникновенных поэтических строфах. «Певец во стане русских воинов» восклицал:

Сей кубок ратным и вождям!
В шатрах, на поле чести,
И жизнь и смерть – все пополам,
Там дружество без лести...

---

⁴ Орден св. равноапостольного князя Владимира четырех степеней учрежден 22 сентября 1782 года. Девиз ордена: «Полезь, честь и слава». Первая и вторая степени имели звезду и крест, третья и четвертая только крест черно-красной эмали с изображением горностаевой мантии с вензелями «С. В.» Ордена для военных имели банты.

Среди множества услуг, оказанных Отечеству полковником Скобелевым, современники выделяли две. Ведь именно ему было суждено доставить в Санкт-Петербург останки спасителя России князя Смоленского, скончавшегося в Бунцлау. Именно он, командуя Рязанским пехотным полком, поставил победную точку 18 марта 1814 года на высотах Монмартра в Париже, и именно в исполнении оркестра Рязанского полка, шефом которого Иван Никитич оставался до конца своих земных дней, прозвучал гимн российскому воинству «Гром победы, раздавайся!» Орденами св. Георгия IV степени⁵, св. Владимира III степени, прусским «Pour le merite» отмечены заслуги Скобелева в освободительном походе.

До 1831 года Иван Никитич, по его собственным словам, «исполнял обязанности и по высочайшим повелениям был употребляем по разным поручениям». К тому времени он имел чин генерал-лейтенанта, несколько лет командовал дивизией и на одном из смотров, который проводил Николай I, заслужил монаршую похвалу. Фанатичную преданность службе доказывают строки из письма императору: «Мне стыдно умереть под кровлей, ретивое сердце мое должно умереть на полях славы за Вас, в пример и науку преемникам, иначе чаша счастья не будет полна».

Письмо, написанное в разгар польского восстания, не осталось без ответа. Генерал получил под команду бригаду. Примечателен один из боевых эпизодов сражения, которое произошло под Минском. Едва генерал приготовился крикнуть: «В штыки!» – как неприятельское ядро раздробило ему левую руку. Пришлось ее ампутировать. Причем во время операции Иван Никитич сидел на барабане и диктовал последний приказ. В нем имелись и такие слова: «Для меча и штыка к защите прав батюшки белого царя и славы святого нам Отечества... и трех по милости оставшихся у меня пальцев с избытком достаточно...»

«Русским инвалидом» стал называть себя генерал, этим же псевдонимом подписывал свои рассказы, повести и пьесы. Свои литературные труды Иван Никитич оценивал весьма скромно. «Примусь писать историю собственной жизни, с полной откровенностью обрисую сцены со всеми окрестностями и, оградясь законной десятилетней древностью, черкну смело за целые полвека о себе и о товарищах, хорошее и дурное. Положим, что мой труд не принесет пользу человечеству, по крайности я оставлю по себе в наследство горящую истину о предметах, коротко и близко мне известных». В литературной жизни России тридцатых-сороковых годов девятнадцатого века появление произведений «Русского инвалида» стало подлинным событием.

Не блеск и изящество фразы влекли читателей и зрителей сочинения Ивана Никитича Скобелева, а живой народный язык, искренность и правдивость. Вот как, например, откликнулся на первую книгу «Русского инвалида» известный поэт И. Н. Веревкин:

Я прочитал твои рассказы
О Бонапарте, о войне.
И живы давние проказы,
И буйно кровь кипит во мне!
Твой слог могуч, огнист и ярок,
Как схватка коршуна с орлом:
И днесь тебе за твой подарок
Бьет войско русское челом.

---

⁵ Орден св. великомученика и победоносца Георгия четырех степеней учрежден Екатериной II 26 ноября 1769 года. Девиз ордена: «За храбрость и службу». Первая и вторая степени имели большой крест и золотую ромбовидную звезду. Третья и четвертая степени имели только белый эмалевый крест с московским гербом. На ленте ордена чередовались черные и желто-оранжевые полосы.

Оставшимися тремя пальцами были написаны пьесы «Кремнев – русский солдат» и «Сцены в Москве в 1812 году». Первая в сезон 1839–1840 гг. выдержала на сцене Александринского театра тринадцать представлений, второй спектакль имел меньший успех, но и он не оставлял зрителей равнодушными.

В 1839 году Иван Никитич, пользовавшийся неизменным расположением императора Николая Павловича, получил предложение занять должность коменданта Санкт-Петербургской крепости. Исправный служака не посмел отказаться от столь почетного поста. Добрейший комендант (по Н. С. Лескову) успешно сочетал государеву службу с обширной литературной деятельностью и оставил весьма заметный след в литературной жизни Санкт-Петербурга.

В комендантском доме за столом у гостеприимного хозяина собирался цвет литературной столицы России. С. Н. Глинка, Н. В. Кукольник, К. А. Полевой, А. В. Никитенко, Ф. В. Булгарин, Н. И. Греч за хлебосольными обедами обсуждали новые произведения, читали стихи и отрывки из пьес, оживленно спорили о их достоинствах и недостатках. В записках И. С. Тургенева читаем: «Скобелев... памятная фигура, с отрубленными пальцами, смысленным, помятым, морщинистым, прямо-солдатским лицом и солдатскими, не совсем наивными ухватками».

Последние годы жизни, «втиснувшийся в литераторы» генерал от инфантерии провел сибаритствуя, воспитывая внука. Скончался Иван Никитич 19 февраля 1849 года. Как отмечалось в печати, «старика Скобелеву были устроены похороны, достойные фельдмаршала».

Мнение современников об Иване Никитиче и его литературном даровании разделились. Но все сходились в одном и бесспорно признавали, что генерал, служа верой и правдой царю и отечеству, был необычайно заботлив о солдате, почитал российского воина «как имя знаменитое, существо, достойное уважения и любви». В известной истории 1821 года в лейб-гвардии Семеновском полку генерал осмелился защищать «бунтовщиков». Продолжительная опала стала результатом его высказывания, что «полиция собственно армии не надобна». Так он оберегал честь и достоинство солдата, что и завещал сыну Дмитрию.

Иван Никитич был женат дважды. Первый брак оказался неудачным и бездетным. От второго брака с Надеждой Дмитриевной, в девичестве Дуровой, генерал имел девять детей, из которых только дочь Вера Ивановна⁶ и сын Дмитрий Иванович достигли зрелого возраста.

Дмитрий Иванович вступил в жизнь, имея потомственное дворянство, полученное отцом за ратные подвиги и вовсе не ощущал недостатка в средствах. Одного лишь упоминания имени генерала от инфантерии, который пользовался неизменным расположением Николая I, оказалось достаточно, чтобы перед Скобелевым-младшим распахнулись двери привилегированного кадетского корпуса. Дмитрий Иванович от природы был крепок, статен, обладал практичным умом и довольно легко освоил азы военной науки. Удача, казалось, сама шла ему в руки – после выпуска молодой офицер был зачислен в свиту императора. Это ли не стремительное начало военной карьеры!

Иван Никитич наставлял «не употребившего собственного труда» сына: «Однако не нужно гордости соблазна, могущего тебя учинить индийским петухом, советую тебе не забывать, что ты не более как сын русского солдата». И слова эти нашли отклик. Рассказы отца влекли к жизни деятельной, боевой, и Дмитрий Иванович вскоре без сожаления расстался с беззаботной жизнью свитского. Лишь только прозвучали первые выстрелы на Кавказе, объявив начало очередной кампании против Турции, Дмитрий Иванович отправился на юг. В аттестациях на ротмистра Скобелева, составленных после войны, перечислены многие сражения, где молодой офицер превзошел отвагою бывалых воинов. Солдаты полюбили его

---

⁶ Вера Ивановна Скобелева вышла замуж за флигель-адъютанта полковника Константина Федоровича Опочинина, сына младшей дочери фельдмаршала, князя М. И. Голенищева-Кутузова – Марьи Михайловны.

за неизменную заботу. Начальство же ценило за удачу, распорядительность и бережливость на солдатскую кровь. Крымскую войну 1853–1856 годов Дмитрий Иванович закончил, имея ордена св. Георгия IV степени, Анны II степени и Владимира III степени, а рядом с отцовской шпагой с надписью «За храбрость» появилась еще одна.

В личной жизни Дмитрию Ивановичу, можно сказать, повезло. Женился он по любви на дочери Николая Петровича Полтавцева – Ольге Николаевне. Другую дочь, Марию Николаевну, преуспевающий московский помещик выдал за графа Александра Владимировича Адлерберга⁷. Свояки, Скобелев и Адлерберг, дорожили семейственностью и по мере сил оказывали взаимные услуги, укреплявшие родство. Ольга Николаевна внесла в дом Скобелевых душевное обаяние, мягкость и доброту характера, умение сглаживать семейные конфликты, заботу и внимание к Ивану Никитичу, страдавшему от ран и иногда подолгу не покидавшему постель в петербургскую непогодицу.

Выпускница Смольного института, воспитанная в лучших традициях женской добродетели, она слыла в столичных кругах женщиной высокообразованной, свободной во взглядах и суждениях. Кроме сына Михаила Ольга Николаевна родила Дмитрию Ивановичу трех дочерей: Надежду, Ольгу, Зинаиду. Без сомнения можно сказать, что все чаяния о продолжении рода Скобелевых Дмитрий Иванович связывал с сыном. Имея характер суровый и крутой, исповедуя аскетизм, он принял решение воспитать Михаила настоящим мужчиной.

Хотелось бы заметить, что мы лишены возможности подробно осветить детство и юность Михаила Дмитриевича Скобелева и тем самым дать полную картину становления его как личности. Сам Скобелев, с неохотой вспоминая о детских годах, не позаботился хотя бы штрихами обозначить наиболее запомнившиеся моменты. Обилие литературы о Скобелеве – обманчиво. Портрет нашего героя, мотивацию поступков зачастую приходится попросту домысливать. В круговерти драматических событий (революция, гражданская война) семейный архив Скобелевых, не единожды менявший владельцев, оказался вне пределов России и все попытки заполучить и изучить его закончились безрезультатно. Увы, гробовое молчание хранят и государственные архивы. Из них неведомая рука с особой тщательностью и скрупулезностью отобрала и изъяла бесценные документы. Бесследно исчезли послужные списки Скобелева, подлинники приказов, решения Государственного совета, медицинский акт о вскрытии и многое другое, что могло бы пролить свет на загадочную смерть генерала от инфантерии.

И все же попытаемся по крупицам восстановить обстановку, в которой жил и воспитывался наш герой. Пока был жив дед, воспитанием Миши занимались он сам и друг семьи Скобелевых, ключарь Петропавловского собора Григорий Добротворский, личность не менее примечательная, чем Иван Никитич. Огромный лоб, окладистая борода, могучий рост и сильный, заставлявший колебаться пламя свечей, голос. С его появлением дом наполнялся шумом, шутками. Маленький Миша с большим нетерпением ждал, когда дед и его друг усядутся в кресла и начнут рассказывать забавные истории, а потом к великой радости на его глазах разыграют спектакль, в котором непременно участником становился и он сам. Можно представить, что это были за спектакли. Дядька Григорий, водрузив на спину крестника, с могучим «ржанием» скакал по большому дому, не жалея коленей. Дед, обладавший незаурядным даром перевоплощения, удачно изображал то турецкого пашу, из-под чалмы которого выглядывали испуганно бегавшие глазки, то коменданта Парижа, сдающего ключи от французской столицы. Завершая «сражение», неразлучная тройка дружно распевала:

Взвейтесь, соколы, орлами!

---

⁷ Граф А. В. Адлерберг (1818–1888) – министр императорского двора и уделов, канцлер российских и императорских орденов, ближайший сподвижник императора Александра II.

Полно горе горевать.
То ли дело под шатрами
В поле лагерем стоять.

Разве в юной душе не запечатлелись эти импровизированные баталии? Разве детское сердечко не билось учащенно, внимая рассказам о пути, пройденном Россией? Разве уроки доброты и справедливости, полученные Михаилом в детстве, прошли бесследно? Конечно, нет! Добавим, что Скобелевы презирали барство, не чурались домашнего труда, были доступны и открыты для тех, кто обеспечивал им благополучие и комфорт. Уважение к простому человеку Михаил, можно сказать, впитал с молоком матери.

Иван Никитич умер, когда Михаилу исполнилось шесть лет, а с ним навсегда ушло радостное беззаботное время. Мальчик горько переживал его смерть и тосковал возле свежей могилы у ограды Петропавловского собора, где по традиции хоронили комендантов крепости.

Оправившись от переживаний и покинув обжитой дом, Дмитрий Иванович поспешил заполнить педагогический вакуум, образовавшийся вокруг сына, и остановил свой выбор на немец-гувернере, которого присоветовал ему сослуживец. Доводами к такому шагу послужили прежде всего известная педантичность и внутренняя дисциплина, присущие немецкой нации. Вдобавок немец, имя которого так и осталось неизвестным, на собственной шкуре познал несложную прусскую армейскую педагогику, в которой подзатыльники и розги были надежными средствами воспитания в духе неукоснительного повиновения.

Как же складывались отношения воспитателя и воспитанника? Немец жаловался отцу и матери на короткую память Михаила и «удлинял» ее своим изуверским способом. Удары розог, вызывавшие молчаливые слезы, то и дело слышались из комнаты, где производилось учение. Мать безуспешно пыталась смягчить Дмитрия Ивановича, в общем-то считавшегося с мнением жены. Но он оставался непреклонным и прекращал разговор о воспитании сына следующей фразой: «По мне, лишь бы дело шло».

Дело шло с успехом. Михаил основательно овладел немецким и французским языками, неплохо музицировал, приобрел навыки светского общения. Наконец-то и пребыванию изверга-гувернера в доме Скобелевых был положен конец. Михаилу в ту пору исполнилось двенадцать лет. По обыкновению семья с прислугой выезжала на лето в Спасское, родовое имение Скобелевых на Рязанщине. Скобелевы жили с соседями дружно, наезжали к ним с визитами и устраивали у себя хлебосольные приемы на православные праздники. На одном из них Михаилу приглянулась соседская девочка. Как правило, мальчишки в этом возрасте почти все безнадежно влюблены и полны рыцарских побуждений. И когда оскорбляют в присутствии избранницы, ну, например, награждают обычным тумакон, то разве это в состоянии выдержать юная душа! Конечно, нет! На тумакон следует ответ: звонкая оплеуха. Немец опешил. Михаил без обиняков дал понять, что многолетние потуги слепить из него натуру безвольную потерпели провал. Звук пощечины дошел и до скупого на чувства Дмитрия Ивановича. Гувернер получил расчет, а отцу пришлось немало передумать, прежде чем окончательно решить судьбу сына. Полковник гвардии рассуждал так. Ни ликом, ни телом, ни норовом мальчуган для военного поприща не подходит. Не в меру щупл. Много читает, памятьлив. Обидчив, словно девица красная. Скрытен. А при определенных обстоятельствах прям до непотребности, дорожит прописными истинами. В людях более всех качеств ценит доброту, готов сразу на нее откликнуться или, напротив, затаиться в себе, если поймет, что это обман. Короче, Дмитрий Иванович заключил, что военная карьера для его сына – несбыточная мечта. «А жаль!» – вздыхал он, вспоминая завещание Ивана Никитича. Пришлось прибегнуть к совету родни. Сородичи проявили завидное единодушие – Михаил должен посвятить себя служению науке. Но вот какой? Ответ на этот вопрос решавшие судьбу Миха-

ила отдали на откуп времени. И тут на помощь пришел случай. На одном из великосветских приемов Дмитрию Ивановичу был представлен владелец парижского пансиона Дезидерий Жирарде, отзывы о котором были весьма похвальны.

Жирарде, всем сердцем привязавшись к России, использовал любую возможность, чтобы побывать в Петербурге и Москве. И, может быть, обаяние этого человека, умение с достоинством вести себя в обществе и блестящее знание русского языка во многом повлияли на решение Дмитрия Ивановича доверить ему воспитание и образование сына. Так Михаил оказался в Париже.

За семью печатями осталась сокрытой программа обучения, которую наверняка имел пансион, неизвестны нам имена сверстников, рядом с которыми провел пять лет юный Скобелев. Несомненно одно – Жирарде выделял его из общей массы учеников. По его собственным словам, Жирарде определил в Михаиле «душу возвышенную, искреннюю, полную жажды знаний».

Скобелев поражал современников глубиной познаний. Он без труда говорил на восьми европейских языках и мог читать наизусть большие отрывки из произведений Бальзака, Шеридана, Герберта Спенсера, Геймли, среди русских писателей он особо ценил прозу и поэзию Лермонтова, социально звучащие стихи А. С. Хомякова, И. В. Киреевского. Скобелев был неплохим музыкантом, и те, кому удавалось слушать его игру на фортепиано и пение красивым баритоном, могли по достоинству оценить его. В течение пяти лет учебы в пансионе Жирарде исподволь, но неизменно направлял энергию юноши на познание мира и человеческих взаимоотношений. Между учеником и учителем возникла и крепла день ото дня незримая духовная связь, которая выдержала испытание временем.

Годы спустя Ольга Николаевна Скобелева, не единожды навещавшая сына в Париже, оценивая педагогические усилия Жирарде, говорила: «Нашему старому другу мы обязаны, что Миша стал сдерживать свою пылкую натуру... m-г Жирарде... развил в нем честные инстинкты и вывел его на дорогу». Сам же Жирарде о юном Скобелеве отзывался так: «Михаил Дмитриевич в детстве был очень умный, бойкий мальчик, очень самостоятельный, любознательный и любил выводить свои решения».

Любовь к воспитаннику не ослепляла разум, и где-то в душе зрело беспокойство за будущее Михаила Скобелева. Добродушный Жирарде повторял: «Он плохо кончит, говорю вам, что плохо кончит, потому что он сумасшедший, этот юноша!» Очевидно, что в этой фразе речь идет вовсе не об искалеченной психике, а об особенностях характера, уже в ранние годы проявившихся у Скобелева. Он, по свидетельству французской писательницы Жюльетты Адам, «возмущался еще с детства против общепринятых правил». Попытка экспрессивной француженки представить Скобелева бунтарем не имеет почвы, но то, что в его натуре уже в юном возрасте вызревал протест против схоластики, казенщины, оторванности знаний от реальной действительности, сомнению не подлежит. Утвердительно можно сказать, что из всех предметов обучения Скобелев с особым старанием и дотошностью штудировал историю. Истину, высказанную еще Цицероном: «Не знать, что было до того, как ты родился, значит навсегда остаться ребенком», Скобелев отстаивал горячо и настойчиво на протяжении всей жизни.

Тонкий психолог Жирарде, прекрасно осведомленный об атмосфере, царившей в семье Скобелевых, где понятия «долг» и «честь» были главенствующими, с особым тактом воспитывал в юноше чувство ответственности за судьбу Отечества. Поразительно, что сделал это ни кто иной, а француз. Жирарде настолько привязался к своему питомцу, что по истечении срока обучения Михаила в пансионе без раздумий сдал дела и выехал вместе с ним в Петербург. Разросшаяся к тому времени семья воспитанника приняла Жирарде с истинно скобелевским радушием и гостеприимством. На предложение Ольги Николаевны стать домашним учителем Жирарде не посмел ответить отказом.

Какой оказалась встреча Скобелева с родиной? Ведь он покинул ее мальчиком, а возвратился юношей. Изысканное воспитание и великолепное образование, да и сам Париж, законодатель мод и нравов, вполне могли сотворить натуру инфантильную и беззаботную. Чего греха таить, на многих сверстников Михаила столица Франции действовала завораживающе. На Россию они взирали, словно в кривое зеркало. Европеизированные юноши, чувственно чмокавшие губами при воспоминании о времени, проведенном вне России, сыпали французскими и немецкими фразами и пренебрежительно фыркали при одном только упоминании мест, откуда были родом. Таким ли был Скобелев? Без сомнения, нет.

Однако было бы наивно представлять юного Скобелева этаким сухарем, который равнодушно воспринимал жизнь на Западе. Да, он впитывал словно губка знания, восхищался открытостью иностранцев, но и подмечал их надменность и порочность бытия. Вероятно уже тогда в Скобелеве зародилось умение сравнивать и сопоставлять российскую действительность с той, с которой он сталкивался в течение пяти лет.

Казалось бы, такое сравнение складывалось не в пользу российских реалий. Но нет! Воспоминания о Скобелеве свидетельствуют, что он был не лишен сентиментальности, и как только хандра одолевала его, спешил в милое его сердцу Спасское. Будучи за границей, он грезил о роскошных кудрявых липах, девичьим хороводом окружавших имение, о величественном, то задумчивом, то разливистом звоне колоколов, о волшебном запахе ладана, в который, казалось, погружался этот дивный российский уголок в престольные праздники. Предполагал ли он тогда, что до боли знакомая пыльная рязанская дорога приведет его в Спасское к вечному пристанищу?

О набожности Скобелева неизвестно ничего. Святые для любого православного христианина слова «Господь Бог, Иисус Христос, Святой Дух» он старательно обходил как в речи, так и на письме. Но считать Скобелева откровенным безбожником было бы заблуждением. Судя по его разрозненным высказываниям, он основательно знал Библию, находил многое поучительное в Священном писании и извлек собственное понимание христианства. Многовековые каноны Скобелев трактовал по-своему, возведя в главенствующий постулат всеобщее славянское благоденствие, жертвенность в осуществлении высоких идеалов, сознательный труд и терпение.

Итак, Скобелев сумел сохранить привязанность к родной земле и потому изрядно волновался в ожидании протяжного гудка паровоза, известившего о скором свидании с Петербургом...

В 1861 году ему предстояло держать экзамены в Петербургский университет. Факультет он выбрал математический. Ровно год продолжались подготовительные занятия, ходом которых руководил профессор Л. Н. Модзалевский. В одном из писем читаем: «Сам я сдал с рук двоих учеников и с большим успехом, свидетелями которого были некоторые профессора и попечитель. Экзамен домашний производился у Скобелева с Адлербергом, в квартире молодого Адлерберга, сына министра. Успехами моего ученика остались довольны; на будущий год он будет держать экзамен в университет».

А. Ф. Кони, один из абитуриентов университета того же года, много позже так описывал Скобелева: «Вышел ко мне навстречу молодой стройный человек высокого роста с едва пробившейся пушистой бородкой, холодными глазами стального цвета и коротко остриженной головой. На нем, по моде того времени, были широчайшие серые брюки, длинный белый жилет и черный однобортный сюртук, а на шее, тоже по моде того времени, был повязан узенький черный галстук с вышитыми на концах цветочками. Манеры его были изысканно вежливы и обличали хорошее воспитание...» Они встретились во второй раз через двадцать лет – известный юрист и генерал-адъютант.

Но учеба в университете оказалась непродолжительной. Шел год провозглашения отмены крепостного права, год, всколыхнувший Россию студенческими волнениями. Ново-

введения значительно ослабили тугую удавку произвола и насилия, царивших в стенах учебных заведений России. Но дух консерватизма, когда научные познания отступали перед благонадежностью, в одночасье выветриться не мог, и студенты вышли на улицу с протестом. Студенческая среда была неоднородна, и одних митинговые страсти захватили целиком и полностью, другие с осуждением взирали на своих товарищей, с юношеской горячностью бросившихся в омут политической борьбы, третьи попросту ожидали, чем закончится противостояние с властями. Увы, закончилось оно печально для всех. Университет был закрыт. Возле дверей *alma mater* многих поколений русских студентов, поблескивавшей окнами пустынных аудиторий, появились жандармы.

Какие мысли и чувства владели Скобелевым в этот бурный период? Ведь на его глазах бушевали доселе невиданные им политические страсти, а лексикон студентов изобилует словами «революция», «народное сознание», «реформы». Со студенческих скамей бесследно исчезали откровенные говоруны, а синяки и шрамы на лицах являлись вескими аргументами неблагонадежности. Можно предположить, что происходящее воспринималось Скобелевым с неподдельным интересом, но не более. Слишком большая пропасть отделяла сына начальника конвоя его императорского величества, «любимого при дворе человека», от небогатого в основной массе университетского студенчества.

В решении правительства о закрытии университета говорилось как о мере временной. Но ведь недаром говорится в народе, что нет ничего более постоянного, чем введение временных законоуложений. Скобелеву предстояло разрешить жизненно важные вопросы: что делать дальше, кем быть, где применить свои знания? Категоричный ответ отца: «На службе» Скобелев-младший расценил вовсе не как приказ. За год, проведенный в Петербурге, прочные семейные традиции стали брать верх. Чувствуя в себе призвание и любовь к военному делу, Михаил с завистью смотрел на сверстников, носивших офицерские эполеты. Дмитрий Иванович, сетовавший несколько лет назад на немужской вид сына, был приятно поражен переменами в его облике. «Вылитый кавалергард», – подумалось тогда ему. Скобелев-младший будто прочитал мысли отца и бисерным почерком написал прошение императору о зачислении его юнкером в лейб-гвардии Кавалергардский полк, тот, в котором некогда начинал службу Дмитрий Иванович. После непродолжительного хождения по инстанциям на прошение появилась размашистая императорская резолюция: «Удовлетворить».

Призвание – служба

Кавалергардский полк во все времена считали самым аристократичным полком в русской кавалерии. Офицеры недаром шутили: дескать, голубая кровь течет не только в нас, но и в лошадях. Царственные особы шли первыми в списках полка. Во времена службы в нем Скобелева возглавлял список Александр II. Представители знатнейших российских фамилий, бароны, графы, князья, вели под уздцы на выездке в манеже арабских, ахалтекинских, донских скакунов, стоивших на аукционах баснословные суммы. Но кроме внешнего блеска полк имел славную боевую историю, традиции. «Настоящий кавалергард должен быть без страха и упрека» – таков был девиз полка.

Первое боевое испытание полк держал в 1805 году при Аустерлице и в проигранной битве заслужил похвалу Наполеона: «Votre régiment a fait noblement son devoir»⁸. В Тильзите кавалергарды входили в состав императорского конвоя и лицезрели того, кто так лестно отозвался о них. Под Витебском, Смоленском и при Бородино они яростно рубились в самых жарких точках сражений. Грозное звучание полковых труб и литавр сопровождало бегство неприятеля из России. В полку долго ходили рассказы о вступлении конной гвардии в Париж, а в знаменном зале стояли георгиевские штандарты с надписями «За Лейпциг» и «За Кульм», как постоянное напоминание о славном боевом пути.

Кавалергарды имели репутацию задира, слыли почитателями Бахуса, были кумирами светских красавиц и немало досаждали столичному градоначальству буйными проделками. Но за стенами полка шла жизнь иная – деятельная, боевая, в соперничестве в удали, в джигитовке, во владении оружием. Гвардейцы дорожили узами войскового товарищества, неизменной была и готовность к ратным подвигам.

22 ноября⁹ 1861 года Скобелев предстал вместе с такими же, как и он, юными воинами перед командиром полка генерал-майором князем Барятинским. В день принятия воинской присяги Михаил Скобелев услышал такие слова: «Без сомнения, братцы, вы сознаете, что служба ваша почетна; охраняя священную нам всем особу Государя Императора и защищая Святую Веру нашу и дорогую нашему сердцу Русь... вы приносите великую пользу своей родине.

Почему говорят, что служба наша честная и святая? Потому, что для пользы общей – всей земли русской – мы жертвуем нашей кровью и жизнью».

Какие мысли пронеслись в голове Скобелева, когда на посвящении он поцеловал Евангелие и крест? Отныне он навсегда отрешался от бытия спокойного, размеренного, далекого от опасностей и вступал в жизнь, где действовали присяга, законы воинской чести и доблести, долг, дисциплина, ответственность, где человек оценивался по ратному мастерству. Готов ли был восемнадцатилетний юноша к такой жизни? Физически – нет. Поэтому ему многих трудов стоило стать вровень со всеми. Послаблений по службе ждать не приходилось. Постигать мудреную науку владения конем, стрельбу, рубку, действия в строю Михаил Скобелев начал с нуля; с сигнала побудки и до сигнала зори занимался он в манеже, в учебном городке, в классе, а по ночам при свете свечи читал описания войн и сражений, книги по истории военного искусства. Знать больше того, чему тебя учат, – такой принцип сформулировал для себя молодой кавалергард и следовал ему на протяжении всей жизни. А вот что

---

⁸ «Ваш полк с честью выполнил свой долг» (франц.).

⁹ Посвящение в кавалергарды и вручение оружия приурочивалось, по обыкновению, к одному из христианских праздников. Покровителями кавалергардов считались святые Захарий и Елизавета – отец и мать Иоанна Крестителя, предтечи Христа. Их имена носила и полковая церковь. Архистратиг Михаил – начальник ангельских воинов – покровительствовал третьему эскадрону, а Александр Невский и святой Георгий Победоносец – соответственно второму и четвертому. Их праздники приходились на 23 и 26 ноября.

говорилось о Скобелеве в одной из первых аттестаций: «Служит ретиво, не щадя себя». Не потому ли менее чем через год (8 сентября 1862 года) его производят в портупей-юнкера?!

Как дворянин, он имел право на льготное получение первого офицерского звания после двухлетней службы юнкером. Но уже 31 марта 1863 года на его плечах заблестели офицерские погоны. Корнет Скобелев не позволил товарищам усомниться в верности и преданности традициям, и производство в первый офицерский чин кавалерии было отпраздновано на полковой вечеринке. На ней много говорилось и о его успехах и уважении, которое он завоевал у сослуживцев, еще помнивших деда и хорошо знавших отца. Но похвальные слова не вскружили голову Скобелеву. Уже на первых шагах офицерского становления он взял за правило реально оценивать свои достижения.

До конца 1863 года Скобелев проходил службу в лейб-гвардии Кавалергардском полку. Этот год принес серьезные потрясения России. Восстала Польша. На знаменах повстанцев красовался лозунг: «За вашу и нашу свободу». Речь шла об отделении Польши от России, причем с территориями Западной Украины и Белоруссии, некогда насильно присоединенных к Речи Посполитой. Антирусская авантюра, главной целью которой было восстановление польского государства в границах, существовавших до 1792 года, то есть до первого раздела Польши между Австрией, Россией и Германией, отличалась жестокостью противоборствующих сторон. К великому огорчению россиян, на стороне повстанцев сражалось немало русских солдат и офицеров, наивно веривших, что таким образом добьются лучшей жизни.

Корнет Скобелев относился к сторонникам самых крутых мер к посягнувшим на спокойствие Отечества. Не без помощи дяди Михаилу удалось получить назначение в свиту генерал-адъютанта графа Э.Т. Баранова, которому Александр II поручил обнародовать манифест к полякам. Но едва посольство пересекло границу Польши, как молодой ординарец захандрил и стал тяготиться немудреными свитскими обязанностями. Баранов, скрепя сердце, уступил настойчивым просьбам корнета отпустить его волонтером в войска. Генерал-адъютант лишился расторопного офицера, а поисковая партия подполковника К. И. Занкисова обрела добровольца, одолеваемого неумным желанием испытать себя в бою. И вскоре такое случай представился.

Стычка с отрядом косинеров под предводительством Шемиота была скоротечной и жестокой. Ситуация стремительно менялась, словно в калейдоскопе. Люди падали под ударами сабель и кос, оставляя на земле кровавые следы. Смерть не щадила ни поляков, ни русских. Выстрелы из ружей, пороховой дым, скрежет металла, ржанье лошадей, призывы и команды слились в единую какофонию, присущую только войне. Поведение Скобелева в этом бою в реляции описано так: «Прямое и отличное исполнение приказаний, а также оказанное мужество при взятии в плен повстанца Безкишкина, 15 апреля, вполне заслуживает награды св. Анны IV ст. за храбрость». Когда бой затих, Занкисов пожал Скобелеву руку, а по прибытии в лагерь обо всем подробно доложил командиру полка.

Так на груди Михаила Скобелева появился первый боевой орден. Напомним: в ту пору ему шел двадцать первый год. Познав запах пороха и окунувшись в боевую жизнь, Скобелев оказался в стихии, которая давала обильную пищу воображению, испытывала на прочность характер. Юный кавалергард сумел доказать, и в первую очередь самому себе, что он не трус и не спасует перед превратностями судьбы. А она хранила его и была благосклонной.

Впрочем, Скобелев не единожды понапрасну испытывал ее в, казалось, бессмысленных проделках, где его жизнь порой висела на волоске. Ну как можно оценить, например, такие пари, которые заключал Скобелев? Он на спор переплыл Вислу вместе с конем, да еще ранней весной! Опять-таки на спор сиганул из окна третьего этажа – способ бегства от ревнивых мужей. Но совершенно внезапно шумные офицерские пирушки лишились одного из неперменных заводил. Для любителей пображничать дверь в комнату, которую снимал

Скобелев, оказывается закрытой, а негостеприимный хозяин, незлобиво чертыхаясь, просит оставить его в покое. Сослуживцы посмеивались: дескать, Михаил циркулем и линейкой прокладывает дорогу к сердцу очередной поклонницы. Но говорившие так находились в полном неведении – жилище корнета было завалено книгами по военной истории и обширными картами походов великих полководцев от Цезаря до Наполеона, а сам он, уподобясь стратегу, строил планы будущих кампаний.

Восстание шло на убыль и Скобелев должен был определиться в службе. Блеск и элитность формы гродненцев, задиристость и озорство гусар сказались в итоге на выборе. Скобелев подал рапорт о зачислении в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, создание которого неразрывно связано с именем героя Отечественной войны 1812 года генерал-майора Я. П. Кульнева. Под его началом служил некогда и дед, Скобелев Иван Никитич. Гусары чтит боевую историю полка, помнили незабвенного командира и во всем стремились подражать ему. Преуспел в этом и Михаил Скобелев, которого 30 августа 1864 года произвели в подпоручики.

В таком стремительном шествии по ступенькам военной карьеры не было ничего предосудительного. Император, с неизменной симпатией относившийся к гродненцам, дядя – министр двора – и, конечно, отец во многом способствовали тому, что Скобелев в считанные годы стал вровень с теми, кто начал службу ранее его. И то, что вскоре на его погонах появилась еще одна звездочка, подтверждает сказанное. Правда, и Скобелеву нельзя отказать в завидном трудолюбии, полнейшем пренебрежении к трудностям армейской жизни. Уже тогда у него начали проявляться черты, которые создадут ему впоследствии всенародное признание. В воспоминаниях офицеров Гродненского полка Скобелев остался «истым джентльменом и лихим кавалерийским офицером». В воспоминаниях одного из сослуживцев есть такие слова о нем: «Чудак. Отличный малый, лихой, берет сумасшедшие барьеры».

В 1866 году Скобелев подает прошение о зачислении в Николаевскую академию Генерального штаба и в этом же году блестяще сдает вступительные экзамены.

Созданная Николаем I в 1832 в качестве «центральной стратегической школы» и укомплектованная преподавательским составом, утвержденным лично им, академия готовила высший командный состав для русской армии, исходя из формулы: плац, парад, палка. Крымская война 1853–1855 гг. со всей очевидностью доказала, что эта формула исчерпала себя. Стало ясно как Божий день, что военная система России нуждается в глубоких и осмысленных преобразованиях. Горечь поражения поддерживала их необходимость и в цепи Великой реформы они занимали одно из важнейших звеньев.

В Крыму случился парадокс. По военным дарованиям морские военачальники – адмиралы В. А. Корнилов, П. С. Нахимов, В. И. Истомина – оказались на голову выше, чем их собратья по оружию, стоявшие во главе армий и дивизий. Их имена, за редкими исключениями (С. А. Хрулев, М. Д. Горчаков), канули в Лету, реку забвения. Так неужели оскудела на воинские таланты Россия? Неужели поубавилось природной смекалки у оружейных и пушкарских дел мастеров? Неужели иссякло желание юных дворян служить Отечеству верой и правдой? Конечно, нет!

Государство вынуждено было поднатужиться, в чем-то поприжать землевладельцев, обложив их дополнительными налогами, но деньги в копилку на реформы вооруженных сил поступали исправно. В обществе существовало единодушие, которое зиждилось на том, что без боеспособной армии Россия неммыслима.

А между тем в подготовке костяка, офицерского корпуса, имелось множество недочетов. В большинстве случаев «недоросли из дворян» с гимназической скамьи, как, например, Скобелев, поступали в полки юнкерами или вольноопределяющимися. Рост по службе юношей определялся «правом происхождения». Малоимущие и не отмеченные знатностью дворяне отдавали своих отпрысков в губернские кадетские корпуса. В них будущие офицеры

получали лишь основы военных знаний, а затем должны были держать экзамены либо в Дворянский полк, либо в специальные военно-учебные заведения, какими являлись Михайловское артиллерийское и Николаевское инженерное училища. Не осилившим программу обучения в кадетских корпусах предстояло тянуть унылую лямку армейской службы. А она далеко не всем казалась фунтом изюма, и поместное дворянство ежегодно пополнялось военными, уходившими в отставку. Академические познания удавалось получить считанным десяткам офицеров.

Конечно, такое положение дел не могло не беспокоить Александра Второго и реформа военно-учебных заведений находилась под пристальным вниманием императора. Еще в бытность профессором военной академии Д. А. Милютин в ряде своих записок-проектов ставил вопрос о существенном изменении ее программы и методики преподавания. Академический курс грешил педантизмом, школярством, отрывом от практики. Милютин настаивал на том, чтобы «офицеры Генерального штаба знали внутреннее устройство войск, владели механизмом войскового управления». Теоретизирование уходило в прошлое, а на смену ему пришла твердая программа подготовки высокообразованных офицеров. Она прежде всего делала упор на знание картографии, на построение расчетов не наобум, а исходя из законов математики. Все предметы, изучаемые в академии, были поделены на две группы. В основную входили: тактика, стратегия, военная история, военная администрация, военная статистика, геодезия. Вспомогательная группа предполагала изучение артиллерийского и инженерного дела, политической истории и иностранных языков. В академии укрепилась практика военных игр на карте и макетах местности. Надо ли говорить, как это способствовало развитию воображения будущих военачальников! Число офицеров, ежегодно принимаемых в стены академии, не превышало пятидесяти человек. Но претендовать на право сдавать вступительные экзамены мог лишь только тот, кто имел за плечами четырехлетний багаж офицерской службы.

Скобелев учился в академии Генштаба, когда ее возглавлял генерал-майор А. Н. Леонтьев. В официальных источниках время пребывания его на этом посту оценивается как эпоха ее расцвета. Уже то, что академические кафедры возглавляли видные военные теоретики России Г. А. Леер¹⁰, М. И. Драгомиров, а к числу предметов добавились русская литература и международное право, свидетельствует о серьезных намерениях дать выпускникам довольно обширный багаж знаний.

В академии Скобелев с трудом подходил под общую мерку. Существовало как бы два Скобелева: один – сама скромность и неприязнательность. Жесткая кровать, образок Богородицы в изголовье, подсвечник, множество книг, рояль, на котором он изредка играл, – вот и все, что имелось в его холостяцкой квартире. Другой – безудержное буйство, всевозможные проделки, которые доставляли немало хлопот родным, шумные офицерские пирушки с обильными возлияниями и похождениями, иногда с драматическими финалами. Товарищи ценили его, начальство и преподаватели считали его способным, но ленивым. На самом же деле Скобелев занимался с огромным рвением тем, что его привлекало, и часто пренебрегал теми требованиями, которые предъявляли к нему некоторые академические педанты. Одно время в профессорской даже высказывалось мнение о его исключении, поскольку он «совсем бросил ходить на лекции, а рапорта о болезни не присылает, да и гуляет по городу. Просто невозможный шалопай». Способ пассивного сопротивления казенщине, выбранный Скобелевым, может показаться несколько странным, если учесть, что по истории военного искусства, по военной и политической истории, русскому языку и литературе, по иностран-

---

¹⁰ Леер Генрих Антонович (1829–1904) русский военный теоретик и историк, генерал от инфантерии (1896), член-корреспондент Российской Академии наук, почетный член Шведской академии военных наук. Оставил богатое научное наследие по стратегии, тактике, военной истории.

ным языкам и вообще по предметам общего образования он имел высшие баллы и был в числе первых.

К тому времени относятся первые опыты Скобелева по исследованию законов войны. С присущей ему дотошностью он изучает биографии Наполеона, Суворова, в собственных сочинениях дает оригинальную оценку великим полководцам. И, как сообщает один из первых биографов Скобелева М. М. Филиппов, «эти сочинения пользовались популярностью среди слушателей, вызывали одобрение, споры».

У того же автора есть описание практического экзамена, который должен был держать Скобелев по окончании учебы в академии. Выпускнику достался вопрос: «Организация переправы конного полка через водную преграду». Местом переправы был выбран Неман. Как полагается, экзаменуемый получил карту, бумагу, на которой должен был письменно обосновать свое решение, дали Скобелеву и коня. Комиссия, которую возглавлял профессор Г. А. Леер, убедившись, что Скобелев уяснил суть задачи, последовала на другие точки, где выпускники старались одолеть вымышленного противника. Завершив объезд, Леер и сопровождавшие его возвратились к тому месту, где они оставили Скобелева. Картина была таковой: выпускник грелся на солнцепеке, рядом пасся и его вороной. Возмущению корифея военной науки не было предела. Бумага оказалась девственно чистой, топографическую карту не потревожил ни один штрих. Леер взорвался: «Ну-с, так где же, сударь, место, выбранное вами для переправы?!»

На глазах присутствующих Скобелев резво вскочил на коня, бросился в воду и переплыл реку туда и обратно. Скобелев ожидал разноса, всего чего угодно, но Леер не скрывал восхищения, а по приезде в Петербург настоял на назначении Скобелева в Генеральный штаб. Незадолго до выпуска, 20 мая 1868 года Скобелева производят в очередной чин штаб-ротмистра.

Для любого из однокашников Скобелева попасть в Генеральный штаб было пределом мечтаний. Еще бы! Служить в столице империи, в здании, из окон которого открывается превосходный вид на Дворцовую площадь, Зимний дворец. Приемы, которые с особым постоянством устраивались в резиденции российского монарха для офицеров гвардии и Генерального штаба разве сравнимы с унылым прозябанием в каком-нибудь гарнизоне?

Но кабинетная тишь, шуршание бумаг, поскрипывание перьев и штабная суэта быстро наскучили Скобелеву. Одному ему известным способом он добился назначения в отряд генерала Абрамова, которому предстояло проделать путь по условной границе России с Бухарским ханством. Однако и в отряде Скобелев не нашел себе применения. Военные занимались не присущим им делом: описывали местность, искали караванные тропы, ведущие к колодцам. Одним словом, Скобелев с невероятной быстротой отделался от полномочий, данных ему Генеральным штабом и объявился в Петербурге. И тут его ждала новость. В верхах было принято решение об организации экспедиции на побережье Красноводского залива.

Командиром отряда был назначен полковник Н. Г. Столетов, заблаговременно выехавший на Кавказ, где деятельно приступил к организации похода за Каспий. Какие сведения об этом крае мог почерпнуть Скобелев из учебников? Надо полагать, что весьма скудные. А раз так, то его место там, где в строжайшей тайне готовится экспедиция. Сознал ли штабс-капитан, что это вовсе не прогулка, не заграничное путешествие, а необходимость, вызванная геополитическими интересами России? По-видимому, нет. Но он нажал на отца, Дмитрий Иванович – на свояка, графа Адлерберга, и заветное предписание и рекомендации вскоре оказались у него в руках. Так Скобелев оказался на Кавказе.

Идея самого похода состояла в том, чтобы отправить за Каспий небольшой отряд, который провел бы рекогносцировку и обеспечил высадку основных сил. Конечно, Скобелев оказался в первом эшелоне. И вот тут-то и выяснилось, что в деле, требующем детального изучения и осторожного подхода, Скобелев оказался для Столетова помощником никудыш-

ным. Штабс-капитан выпросил у Николая Григорьевича небольшой отряд солдат и с ними сделал вылазку из импровизированного укрепления, созданного на берегу Каспия. Вылазка закончилась удачно, но наделала изрядный переполох у туркмен, которых явно озадачило внезапное появление русских. И, хотя молодой и энергичный офицер пришелся по душе Столетову, он был вынужден все же расстаться с ним...

Скобелев возвратился в Петербург. Здесь его ожидало приятное известие. 5 июля 1872 года он получил чин капитана. Надо полагать, что именно отец убедил Михаила согласиться с назначением на должность адъютанта штаба дивизии, которая располагалась в Новгороде. Назначение это было формальным, дивизия, как и многие другие соединения Петербургского военного округа, находилась в стадии переформирования, и никакой реальной помощи в этом процессе Скобелев оказать не мог.

И тут у Скобелева неожиданно проявился интерес к штабной работе. Возник он не на пустом месте. В военно-учебном комитете Генерального штаба, исполнявшего функцию оперативного управления, сходились нити преобразований, и Скобелев, на некоторое время оказавшийся в его стенах, воочию убедился, насколько сложным является механизм вооруженных сил, малейший сбой в котором сулил крушение многих планов. А они поражали своим размахом, продуманностью и реальностью, однако требовали значительного времени. Но Скобелев сгорал от нетерпения и брался за любое живое дело, лишь бы оно было связано с переездами. В одной из таких поездок и застало его известие о производстве в чин подполковника. Произошло это событие 30 августа 1872 года.

Два года Скобелев колесил по России, пока его «служебные блуждания» не были прерваны женитьбой. Летом 1874 года он обвенчался с фрейлиной императрицы княжной Марьей Николаевной Гагариной. Княжна не блистала красотой, но ровный, выдержанный и спокойный характер, проявлявшийся в ее мягком женственном облике и неспешной, распевной речи, должны были, по мнению Дмитрия Ивановича и Ольги Николаевны, «обуздать порыв». И кажется, в первые месяцы это удавалось, иначе в письме отцу не было бы таких слов: «Спокойствие есть почти целое счастье на земле».

Свое удовлетворение Дмитрий Иванович не скрывает. Сын, принесший столько хлопот в улаживании его постоянных конфликтов и долгов, обрел семейную пристань. «Радуюсь твоему настоящему степенству, – пишет он Михаилу, попутно делая комплимент его молодой жене, – радовался радостью твоей жены, она накупила удачно тебе в кабинет ковров...»

Внешне Скобелев действительно изменился, но мечты о жизни иной, деятельной, боевой, где властвуют удаля, хождение между жизнью и смертью, увлекала его сильнее, чем устланная мягкими коврами тахта и спокойное и ровное потрескивание свечей в уютной квартире.

Он буквально вымалывает назначение в Туркестан¹¹ и при посредничестве дяди получает долгожданное предписание, обычный, деловой стиль которого вызвал у Скобелева массу чувств. Наконец-то он избавился от унылого кабинетного сидения и затеплилась надежда испытать свой жребий в настоящем, столь необходимом для России деле.

Отъезд в Туркестан стал первым шагом к разрыву с женой. Их брак был расторгнут в 1876 году.

По прибытии он напишет дяде: «Жить моей жизнью, сознаюсь, для женщины нелестно». В разговорах с друзьями Скобелев часто говорил, что «Игнатий Лойола только потому и был велик, что не знал женщин и семьи...» И все же, ведя холостяцкую жизнь, Скобелев частенько высказывал желание «поняничить своих скобелят». К сожалению, этому так и не суждено было сбыться.

---

¹¹ Туркестан – прежнее название территории в Средней и Центральной Азии. На территории Русского Туркестана было образовано в 1867 году Туркестанское генерал-губернаторство.

В Туркестане

Длинен и труден путь от Петербурга до Ташкента. Но вот он позади, и Скобелев с головой уходит в подготовку своего отряда к боевым действиям...

На российских картах середины XIX века Туркестан, имевший более чем тысячелетнюю историю, прочные культурные традиции и самобытный жизненный уклад, выглядел лоскутным одеялом. Края его либо терялись в необъятных азиатских просторах, либо внезапно обрывались на пороге российских владений.

Далеко не просто складывались взаимоотношения среднеазиатских государств с Россией. К прибытию Скобелева в Туркестан история их конспективно выглядела следующим образом. Местные правители, можно сказать, шли на ощупь в делах с Российским государством. Это и объяснимо. В представлении восточных владык Россия являлась полной загадкой, а отправляемые ими караваны на пути, пролежавшим в эту страну, поджидало немало опасностей. Прибытие российских послов, а наипаче купцов в Бухару, Хиву или Коканд считалось подлинным событием. Не меньший восторг у жителей Москвы, Нижнего Новгорода и Астрахани вызывали и ответные визиты торговцев тканями, пряностями, экзотическими фруктами, ювелирными украшениями.

Однако такой скудный и эпизодический обмен не мог устроить Петра I и царь-преобразователь возвел интерес к Средней Азии в ранг государственной политики. Выгоды активного проникновения в азиатскую глубинку были очевидны, и все последующие российские государи в меру своих сил пытались утвердить влияние России в этом регионе. И тут выяснилось, что «владычица морей», как называли Англию, не прочь прибрать к рукам «бесхозные» среднеазиатские ханства. По этому поводу Ф. Энгельс, глубоко осведомленный о намерениях лондонского кабинета, писал: «Санкт-петербургские дипломаты отдавали себе отчет, насколько важно парализовать возможное сопротивление Англии окончательному утверждению России на Босфоре. После Крымской войны, а в особенности после индийского восстания 1857 г. завоевание Туркестана, начатое еще в 1840 г., стало неотложной задачей»¹².

Ф. Энгельс допустил неточность, отсчет военного проникновения России в Среднюю Азию следует все-таки вести от неудачно закончившейся экспедиции генерала Перовского. Состоялась она в царствование Николая I в 1839 году. После почти пятнадцатилетнего перерыва император вернулся к своей идее, и в Каракумской пустыне и на берегах Сырдарьи вновь зазвучали выстрелы и разрывы.

Англичане интриговали без устали. Имперская пресса злословила: дескать, «каждый русский спит и видит себя в Константинополе и на берегу Индийского океана». Верилось в такое с трудом, но, как полагали в Лондоне, и этот проверенный способ очернения соперника, России, должен принести результат. К огорчению англичан, снабжавших непокорных ханов оружием, дела складывались явно в пользу русских войск. Лондону так и не удалось создать блок государств, направленный против России.

К описываемому времени применимы два термина – завоевание и присоединение. Однако последний значительно шире, исторически точнее и включает в себя понятия как завоевания, так и мирного включения в состав России ряда областей и районов. Результаты этого исторического процесса настолько значительны, что впоследствии сказались на всем ходе развития среднеазиатских государств.

Скобелеву показалось, что в Туркестане время словно остановилось на мертвой точке. И такое впечатление не было обманчивым. Столетиями край раздирали междоусобицы. Ненасытные ханы, враждуя между собой, не щадили ни жизни соперников, ни кишлаков,

---

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 22. С. 45.

ни колодцев. От верховных правителей не отставали беки, баи. Жизнь дехканина представляла собой кромешный ад и была наполнена ожиданием очередной свары. А они несли с собой голод, усугубляли нищету. Невольничьи рынки ломались от дешевой рабочей силы. В забитости и несправии народа потонула многовековая мудрость. О каком живом обмене с соседями могла идти речь, когда богатый и некогда процветающий край зашел в явный исторический тупик! Возможно, Туркестан так бы и не выбрался из него, если бы не Россия.

Русские подавили сопротивление, но и объединили в большинстве своем кочующие народы, привили им вкус к оседлой жизни. Россия прибегнула к помощи оружия, но, как только замолчали пушки, оберегала покоренных своей мощью. Ф. Энгельс, из коего и слово-то доброе о России трудно было вырвать, в одном из писем К. Марксу утверждал, что «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»¹³.

Туркестанские кампании и по сей день слабо изучены. А между тем опыт, приобретенный в них русскими войсками, позволяет сделать вывод, что трудности, с которыми столкнулись они при ведении боевых действий в Азии, не идут ни в какое сравнение с теми, которые ранее пришлось испытать русским воинам. На их пути стояли безводные пространства, зыбучие пески и солончаковые пустыни. Палящий зной и безводье вполне могли парализовать физические силы. А они были так необходимы для того, чтобы преодолеть сопротивление противника.

Отважные предводители кочевников вынуждены были признать, что в лице русских имеют соперников, не уступавших воинам Аллаха ни в отваге, ни в мужестве. Невзирая на отдельные неудачи, русские повсюду теснили непокорных воителей, занимали город за городом. В итоге к началу семидесятых годов под протекторат России попала обширная территория, ограниченная левым берегом Сырдарьи. Русские войска энергично принялись обустроить прибрежную линию, создав по ней ряд укреплений.

Хивинский хан, по соседству с владениями которого шла эта созидательная работа, занял поначалу выжидательную позицию. «Мол, посмотрим-поглядим, как себя в дальнейшем поведут неверные». На удивление воинственного владыки русские стали настойчиво предлагать мир. Соглашение могло вполне состояться, если бы в дело не вмешались английские советчики. А уж по части плетения интриг дипломаты с берегов Туманного Альбиона имели прочные навыки. Хан уступил нажиму и напрочь отказался вступать в какие-либо переговоры с представителями русского командования. За отказом последовали шаги, которые до предела накалили обстановку.

Вдоль Сырдарьи пролегли караванные пути, по которым столетиями совершали переходы русские купцы. И вот караваны, ведомые ими, стали бесследно исчезать. Следы исчезновения явно вели в Хиву. Нападения на мирных торговцев сменились внезапными набегами на кочевья кара-киргизов, принявших добровольно российское подданство. Хивинские ватаги нагнали час от часу и буквально вели охоту за каждым русским. Туркестанский генерал-губернатор К. П. Кауфман сообщал в Петербург, что в хивинском плену томятся сотни соотечественников и он располагает достоверными сведениями о том, что с невольничьего рынка в Хиве русские пленные отправляются в соседний Коканд, а оттуда их переправляют в Персию. Существовал даже ценник, по которому русские стоили гораздо выше других рабов. Цена на мужчин колебалась от ста до двухсот тиллей¹⁴, на женщин она достигала трехсот тиллей. Сердобольное российское правительство моментально отреагировало на письмо Кауфмана, выделив на выкуп из неволи три тысячи рублей золотом. Но хан и тут заарта-

---

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 27. С. 241.

¹⁴ Тилля – золотая монета, равная 1 рублю 80 копейкам.

чился, и когда генерал-губернатор предложил ему вступить в торг, с поддельным возмущением промолвил: «Я не могу взять в толк, каким образом пять или десять русских, живущих в Хиве по дружбе, могут стать яблоком раздора».

Факты, однако, свидетельствовали о другом. Захват русских стал сущим бедствием. К. П. Кауфман доносил в Петербург: «Не предрешая времени, мы должны идти на Хиву, хотя бы только для освобождения наших соотечественников, томящихся в тяжелом плену».

Скобелев приехал в Туркестан, когда подготовка к походу на Хиву была в самом разгаре. И вот здесь горячность и недостаток выдержки сослужили ему плохую службу, став причиной натянутых отношений с некоторыми офицерами, пренебрежительно отзывавшимися о нем как о петербургском выскочке. Скобелев умел постоять за себя и дважды дрался на дуэли. Кауфман вынужден был сделать ему выговор и откомандировать в Тифлис.

Но наместник на Кавказе великий князь Михаил Николаевич рассудил по-своему. Скобелев пришелся ему по душе неординарностью мышления, порывистостью, неумным желанием проявить себя. И Скобелев вновь пересек Каспий, получив назначение в Мангышлакский отряд полковника Н. П. Ломакина. В состав экспедиции против Хивы также вошли Туркестанский, Оренбургский, Красноводский отряды и Аральская флотилия. Общее руководство осуществлял К. П. Кауфман.

Воспитанник инженерного училища Константин Петрович Кауфман происходил из незнатной немецкой обрусевшей семьи, исповедовавшей православие. Всю свою офицерскую молодость он провел на Кавказе в стычках с горцами, немало сделал и для укрепления Прикаспия. В нем удачно сочетались качества военного инженера и войскового командира. За штурм турецкой крепости Карс во время Крымской войны был награжден саблей с надписью «За храбрость». Обладая обширными военными знаниями, организаторским талантом и будучи человеком честным и принципиальным, он двигался по ступенькам военной карьеры без помощи всемогущего родства и связей. До прибытия в Туркестан в 1867 году участвовал в разработке военной реформы, некоторое время находился в свите императора, затем заведовал канцелярией военного министерства и два года занимал пост Виленского генерал-губернатора. Высокой требовательностью и заботливостью о людях завоевал в армейской среде весомый авторитет.

Прибыв в Туркестан, Кауфман, словно этнограф, постарался как можно глубже изучить быт и нравы местного населения, и все свои действия соизмерял с обстановкой. Законы Востока были непреложны. Губернатор всегда появлялся в окружении свиты, поражающей блеском, гремела медь военных оркестров, раздавалось громогласное «ура», стройные ряды воинов свидетельствовали о мощи государства, с которым приходилось иметь дело.

Генерал умиротворял враждующих, жестоко карал не желавших повиноваться, щедро одаривал лояльных русским властям. Твердо отстаивая интересы России, К. П. Кауфман немало сделал для просвещения Туркестана. В бытность его губернатором построено шестьдесят школ, две гимназии – мужская и женская, а Ташкент получил первую в Средней Азии публичную библиотеку.

В апреле 1873 года русские войска выступили в поход из четырех пунктов. Скобелев командовал авангардом Мангышлакского отряда (две тысячи сто сорок человек) в составе трех рот пехоты, двух сотен казаков и двух орудий. От колодца к колодцу, от стойбища к стойбищу шел отряд к главной цели – Хиве. Падали от изнеможения верблюды, лошади, нестерпимо палящее солнце делало людей безвольными, появились больные. Многие версты нелегкого пути Скобелеву пришлось пройти пешком. Но он знал, что основная часть отряда, следующая за авангардом, должна пройти по разведанному, безопасному пути и что колодцы не должны достаться бродившим по пустыне воинственным кочевникам. В одной из стычек с ними Скобелев получил семь ран и вынужден был преодолеть часть пути лежа в арбе.

12 мая Мангышлакский и Оренбургский отряды соединились в Кунграде, и общее командование перешло к генерал-майору Веревкину. До Хивы оставалось двести пятьдесят верст, и они оказались самыми трудными и самыми кровавыми. Не проходило ни дня без крупных стычек с хивинцами, которые сжигали оставшиеся позади мосты через арыки и реки, засыпали колодцы. Значительными силами они преграждали путь отряду у Ходжейли, Мангыта и других пунктов, но безуспешно: 28 мая авангард Скобелева стоял у Хивы.

Тем временем Туркестанский отряд остановился в полупереходе от Хивы. Здесь К. П. Кауфман получил известие, что жителей города раздирают противоречия. Часть населения готова гостеприимно распахнуть ворота, остальные были намерены сражаться до конца. Кауфман решил не спешить со штурмом и посоветовал тоже самое и генералу Веревкину. Казалось, дело вполне могло закончиться мирным исходом. И вот тут-то лагерь Мангышлакско-Оренбургского отряда подвергся нападению. Хивинцы, используя местность и сумерки, совершили несколько вылазок, нанеся русским чувствительные потери. Веревкин отдал приказ на штурм, а Скобелеву поручил осуществить разведку боем.

Хивинцы поливали русских свинцом. Ядра пушек, разрываясь, взбивали огромные фонтаны песка. Но удачные выстрелы русской батареи заставили замолчать их артиллерию. В брешь, пробитую в Шахабатских воротах, первым пробрался Скобелев. Следом за ним в крепость проникли две роты его авангарда и после скоротечного боя овладели стенами и башнями. После чего Скобелев со своим отрядом, с боем завоевывая каждую улицу, прорвался к ханскому дворцу. 29 мая 1873 года Хива пала.

По занятию Хивы Кауфман великодушно позволил хану возвратиться в столицу. Правитель занял свои апартаменты и, спустя некоторое время, устроил роскошный прием. В числе приглашенных был и Скобелев, который получил в этот день наглядный урок дипломатии. В воспоминаниях американского корреспондента Я. Мак-Гахана запечатлен диалог между Константином Петровичем Кауфманом и Сеид-Мохамед-Рахим-Богадурханом:

Кауфман: Если бы вы послушались моего совета три года тому назад и исполнили бы тогда мои справедливые требования, то никогда не видали бы меня здесь... Великий Белый Царь не желает свергать вас с престола. Он только хочет доказать, что достаточно могуществен, чтобы можно было оказывать ему пренебрежение... Великий Белый Царь слишком велик, чтобы вам мстить... Он готов теперь простить вас и оставить по-прежнему на престоле, при известных условиях.

Хан: ...Мне давали дурные советы...

Кауфман: Теперь вы можете возвратиться, хан, в свою столицу. Восстановите свое правление, судите свой народ и охраняйте порядок. Скажите своим подданным, чтобы они принимались за труды и занятия, никто их не тронет; скажите им, что русские не разбойники и не грабители, а честные люди; что они не тронут их жен и имуществ.

Победители держали свое слово твердо. До хивинцев и ранее доходили слухи, что там, где появляются русские, навсегда исчезает рабство. И вот однажды с минарета дворцовой мечети раздался протяжный голос муллы, созывающий народ на молитву. Каково же было удивление собравшихся, когда вместо привычных сур Корана служитель Аллаха зачитал ханский ферман, в котором под страхом смерти запрещалась купля и продажа людей, а все рабы получали свободу. Радость, с которой население встретило этот ханский указ, написанный явно под диктовку победителей, была безмерной. К тому же на Хиву была возложена щадящая контрибуция в размере двух миллионов двухсот тысяч рублей с ежегодной выплатой по двести тысяч рублей в казну. Война стоила гораздо больших денег.

Для Скобелева участие в Хивинском походе стало серьезной воинской школой, проверкой его физических и моральных качеств. Испытание Скобелев выдержал с честью. И даже среди обстрелянных в боях туркестанцев он выделялся своим поразительным самообладанием и храбростью. Инициатива, верный глазомер, быстрота в принятии решений уже

тогда отличали молодого офицера. Скобелеву часто приходилось выполнять наитруднейшие и опаснейшие задания, применяя изобретательность и находчивость. Начальство полностью полагалось на него.

В конце Хивинского похода он совершил выдающуюся по смелости и лихости рекогносцировку. Из четырех отрядов, посланных на Хиву, Красноводский не дошел до места назначения и, измучив лошадей и вьючных верблюдов, во избежание гибели возвратился. Расстояние более чем в пятьсот верст осталось неразведанным. Важно было выяснить причину неудачи. Для получения сведений об этом отрезке пути предлагалось снарядить небольшой отряд пехоты и кавалерии с несколькими орудиями. Скобелев вызвался разведать маршрут, а также сделать глазомерную съемку местности. К. П. Кауфман после колебаний дал на это согласие.

Перед выступлением в путь Скобелева видел участник Хивинского похода полковник В. А. Полторацкий. Вот как он описывает этот эпизод: «Я вышел и в темноте... только по голосу узнал всадника. Скобелев, в туркменском костюме, высокой шапке и вооруженный с головы до ног, стоял перед нами и просил благословения на дальний, опасный путь... Дай ему Бог успеха, но увидимся ли с ним?»

Опасения В. А. Полторацкого оказались напрасными. Через неделю Скобелев с тремя туркменами и двумя казаками, сопровождавшими его, возвратился целым и невредимым, описал словесно и набросал на карте маршрут, колодцы и доложил сведения о ватагах вооруженных хивинцев, контролировавших местность.

– Неужели вы никого не встретили на пути, кто бы признал в вас русского? – обратился к нему состоящий при генерал-губернаторе художник В. В. Верещагин.

– Конечно, встречал я народ, – ответил Скобелев, – но я всегда высылал вперед моих джигитов, они заводили разговоры о том, о сем, рассказывали при нужде и небылицы, чем отвлекали их внимание, а я тем временем проскальзывал вперед.

Попадись он – смерти не миновать. За эту рекогносцировку Скобелев был награжден орденом св. Георгия IV степени.

Уже тогда о русском подполковнике начали говорить в Европе.

С художником Василием Васильевичем Верещагиным Скобелев познакомился еще в 1870 году в единственном ресторане Ташкента благодаря Жирарде, безотлучно следовавшему за своим воспитанником и учившему в то время детей К. П. Кауфмана. Привлекательная внешность Скобелева, умение держаться без рисовки, открытый, располагающий взгляд, прямота в высказываниях и суждениях – все это сделало возможным знакомство, которое позднее превратилось в прочную мужскую дружбу. Судьба порой надолго разлучала художника и полководца, и не потому ли каждый из них считал подарком очередную встречу.

Верещагин совершал поездку по Туркестану, чтобы запечатлеть в своих картинах этот край, его историческое прошлое, самобытную культуру, народ, красоты древней архитектуры, восточные пейзажи. Но не только это привлекало его. Он ехал узнать, что такое истинная война, о которой много читал и слышал на Кавказе. Василий Васильевич принимал участие почти во всех крупных сражениях, за что получил Георгиевский крест.

24 августа русские войска, оставив в Хиве небольшой гарнизон, покинули город. Отдельные подразделения были расположены почти во всех городах ханства.

Зимой 1873 года Скобелев получил отпуск и решил провести его на юге Франции. Скобелев и отдых – понятия несовместимые. Вне дел он буквально чах, становился скучным, раздражительным, его энергия нуждалась в применении, он искал ей выход и находил в труде, в совершенствовании знаний. Стол в снятой им на берегу моря квартире был завален книгами, чертежами. Скобелев находился здесь инкогнито, но навязчивые репортеры, пронюхав, что среди отдыхающих находится русский офицер, имя которого не раз появлялось в газетах, беззастенчиво вторгались в мир его мыслей и повседневного труда, а сле-

дом за ними, как правило, не было отбоя от любителей шапочных знакомств. Избавиться от них удавалось с великим трудом. И однажды, ко всеобщему удивлению, Скобелев внезапно исчез. Лишь через несколько недель его след обнаружился в Испании.

На протяжении ряда лет с небольшими перерывами на Пиренеях шла вооруженная борьба между регулярными королевскими войсками и партизанскими отрядами карлистов. Свое название противники режима получили по имени Дона Карлоса, с которым клерикалы и часть испанской знати связывали надежды на обретение верховенства в стране.

Скобелеву, по сути, были безразличны причины вооруженной борьбы, но вот то, какими способами она велась, представляло для него неподдельный интерес. Оказалось, что до зубов вооруженные регулярные войска не в состоянии были одерживать победы над малочисленными отрядами карлистов. Но попасть хотя бы в один из них стоило огромных трудов. Скобелеву, можно сказать, повезло. Он был схвачен на одном из сторожевых постов и доставлен с завязанными глазами к сподвижнику Дона Карлоса Алоизу Мартинецу. Отважный предводитель был неимоверно удивлен, когда Скобелев объявил, что он – русский. Рекомендательное письмо подтверждало это. И вот тут-то выяснилось, что Скобелев вовсе не сочувствует движению, однако не находит в настоящее время лучшего примера войны в горных условиях. Такая прямота могла стоить чужеземцу головы. Но Мартинец, поколебавшись, все же решил сохранить Скобелеву жизнь и оставил в отряде. Пусть, мол, русский почувствует, почем фунт лиха.

На удивление гарильесов, Скобелев вел себя достойно и, по воспоминаниям самого Алоиза Мартинеца, был неразлучен с записной книжкой и поражал неутомимостью. Он следил за тем, как строились укрепления в горах, как совершались горные переходы и организовывалась перевозка артиллерии, снарядов по узким тропинкам.

Эта поездка еще раз подтверждает прозорливость Скобелева, на несколько лет вперед предвидевшего, что вероятность войны в условиях, подобных испанским, в ближайшем будущем не исключена.

Осталось неизвестным, при каких обстоятельствах инкогнито Скобелева оказалось раскрытым. В официальных кругах поговаривали, что якобы он послан русским правительством. Такой поворот сулил крупные неприятности, и Скобелев незамедлительно покинул Испанию. На родине его ожидало радостное известие: 22 февраля 1874 года состоялось его производство в полковники. А 17 апреля – назначение флигель-адъютантом с отчислением в свиту царя. Но события не позволили выехать в Петербург и окунуться в беззаботную жизнь.

Покидая Туркестан на непродолжительное время, Скобелев не предполагал, что мир настолько непрочен и недостаточно будет одной искры, чтобы накалить обстановку. Жизнь в Ташкенте текла в ожидании непредсказуемого. Все началось с волнений в Кокандском ханстве, которым с 1844 года правил Худояр-хан. Волны политических страстей порой выкидывали его с насиженного трона. Дважды ему приходилось спасаться бегством в Бухару. А с тех пор, как в Ташкенте обосновались русские, он стал налаживать контакты с администрацией края, готовя себе возможное пристанище на случай очередного кризиса, который, кстати, не заставил себя ждать. Собственно, организатором его стал сам Худояр-хан – тщеславный и коварный владыка, питавший утробную страсть к наживе и обложивший народ непосильными податями.

Народ восстал. К нему примкнула часть духовенства и феодалов. Несмотря на все потуги, Худояру не удалось силой подавить сопротивление. Занятый борьбой с восставшими, он не подозревал о заговоре в своем собственном доме, организованном против него сыновьями.

Братья, получив свободу действий, могли заварить такую кровавую кашу, что расхлебывать ее пришлось бы долгие месяцы. По-видимому, Скобелев, волею судьбы оказавшийся в самой гуще событий, сам напросился в посольство, которое должно было выяснить сте-

пень опасности, грозившей миру и спокойствию в крае. Неизвестно, что ожидало хана, если бы не находчивость Скобелева. Осталось загадкой, каким образом ему удалось уговорить братьев отпустить отца по-доброму, но так или иначе Худояр-хан с гаремом и челядью обосновался в Ходженте, под надежной защитой русского оружия.

Тем временем на престол в Коканде взошел старший сын Худояра Насреддин-бек. Насреддин явно уступал отцу в твердости и решительности и вскоре оказался игрушкой в руках кокандской знати и духовенства. Последнее бредило идеей газавата – священной войны против «неверных», то есть русских. Приемы, к которым прибегали фанатичные последователи пророка Магомета, были не новы. В городах, занятых русскими войсками, появились ходоки, дервиши, вещавшие на базарных площадях о зверствах, которые якобы чинили русские. Не обходилось и без угроз. За ними потянулся шлейф кровавых деяний: налетов на почтовые станции, на караваны русских купцов. Мелкие уколы сменились открытыми нападениями на русские гарнизоны. Трое суток отражали яростные атаки малочисленные защитники Ходжента, и неизвестно, чем бы закончилась осада, если бы не Скобелев, подоспевший на помощь.

«А не малочислен ли наш отряд?» – спросил его капитан Михайлов. «Отряд в две сотни, – ответил Скобелев, – с четырьмя ракетными станками я считаю сильным и самостоятельным в здешних войнах». Уже на подходе к Ходженту отряд увеличился до восьми сотен. Он внезапно ударил по кокандцам, заставив их с большими потерями отступить от города.

На этом военные действия могли закончиться, но воинственный Абдуррахман-Автобачи, талантливый вождь кипчаков¹⁵, решил сражаться до конца. Фанатичный и честолюбивый, он поставил на карту не только спокойствие обширного края, но и тысячи жизней простых кокандцев, кипчаков, кара-киргизов, вовлеченных им в боевые действия.

18 августа 1875 года отряд, состоящий из шестнадцати рот, девяти сотен казаков, с двадцатью орудиями и восемью ракетными станками (всего четыре тысячи человек), под командованием К. П. Кауфмана выступил из Ходжента. Скобелев в этом отряде командовал всей конницей. Примечателен его отзыв: «Я глубоко верю в казаков, как славную боевую силу, и за поход надеюсь доказать, что они при маленькой сноровке не уступят регулярной коннице».

Кокандский поход можно условно разделить на два этапа: осенний и зимний. 21 августа русские войска завязали бой у кишлака Каракчикум. Противника ожидал сюрприз. Кокандцы, привыкшие действовать навалом, буквально опешили, когда невидимая сила разорвала и разметала их ряды. А это Скобелев, словно заправский артиллерист, дал приказ установить орудия на прямую наводку. После такой внушительной артподготовки конница, пользуясь паникой противника, довершила его разгром. 22 августа почти пятидесяти-тысячная армия кокандцев сосредоточилась у города Махраме. Но русские войска имели уже достаточный боевой опыт, и численное превосходство уступило организации и умелому взаимодействию родов войск. Несмотря на отчаянное сопротивление, на затопленную перед укреплениями местность, неимоверный огонь, Скобелев с отрядом ворвался в город. Его желтый знак метался по полю сражения, словно вихрь. Раненный в самом начале сражения в ногу, он не слез с коня до той минуты, пока противник не перестал сопротивляться. Победителям достались тридцать девять орудий и девятьсот пленных.

До Коканда движение войск было мирным, население городов открывало ворота и встречало русских подношением даров. Участник этого похода подполковник Маев вспоминал: «Доверие населения к вступившему в Кокандское ханство русскому войску было полное». В Коканде К. П. Кауфмана встретил хан Насреддин. Здесь был подписан мирный дого-

---

¹⁵ Кипчаки (кыпчаки) – то же, что половцы, кочевой народ тюркского происхождения.

вор, по которому подтверждались права русского купечества на торговлю, к Туркестанскому губернаторству присоединялся правый берег Сырдарьи с городами Чустом и Наманганом.

Скобелев с двумя ротами солдат да шестью сотнями казаков еще несколько дней преследовал остатки отряда Автобачи. Затем настиг его и разбил, захватил всю артиллерию и обоз. В руках Скобелева оказался «меккский значок» кокандского военачальника, но самому ему удалось скрыться.

Русские войска покинули Коканд. Почти сразу же в город ворвался Абдуррахман (его поддержало кипчакское население, не желавшее признавать себя побежденным), сверг Насреддина и отдал престол предводителю кара-киргизов, получившему официальное имя Пулат-хан. Воинственные призывы накалили обстановку, и «священная война» развернулась с новой силой. Используя тактику внезапных налетов, отряды кокандцев изрядно досаждали русским гарнизонам. Терпение имело предел. К. П. Кауфман поручил генерал-майору В. Н. Троицкому покончить с набегам. Генерал сформировал отряд в составе пяти с половиной рот, трех с половиной сотен казаков, шести орудий, четырех ракетных станков. На Скобелева возлагались обязанности начальника штаба. Вполне может возникнуть вопрос: о каком планировании операций могла идти речь, когда действия отряда целиком и полностью зависели от поведения противника? И вот здесь-то и пригодился опыт Скобелева. В большинстве случаев ему приходилось вести обычную разведку. Зачастую она перерастала в сражение. Так случилось, например, под Андижаном. 1 октября отряд Троицкого на плечах противника ворвался в город. Ни скученность построек, ни узкие улицы, ни высокие глинобитные заборы, из-за которых оборонявшиеся вели огонь, не могли удержать порыв. Андижан пал.

18 октября 1875 года Скобелев за боевые заслуги был произведен в генерал-майоры, награжден шпагой с надписью «За храбрость» и зачислен в свиту императора¹⁶.

Теперь ему поручили командование довольно значительным по силе отрядом, в который входило шестнадцать рот, семь с половиной сотен казаков, двадцать два орудия, четыре ракетных станка, рота саперов – всего четыре тысячи триста человек. Нетрудно заметить, что впервые Скобелеву предстояло выступить в роли общевойскового командира. О том, что он справился с нею блестяще, свидетельствует тот факт, что в течение двух месяцев отряд под командованием Скобелева отбил бесчисленное количество нападений мятежников и нанес им целый ряд серьезных поражений. Отнести победы только к удачливости Скобелева было бы неправомерно. В его действиях преобладал точный расчет, отменное знание противника, быстрота принятия решений.

Вот он врывается первым в самую гущу кокандцев, где только виртуозное владение конем и саблей способно сохранить жизнь. На удар следует удар, на укол копьем – ловкая увертка, атакующие Скобелева падают наземь, сраженные его рукой, словно снопы. С таким до отчаяния смелым военачальником невозможно не победить! Его не смущали ни превосходящие силы противника, ни прочная по меркам кокандцев оборона, ни ярость, которой были одержимы фанатичные мусульмане. Скобелев неизменно появлялся на поле боя на белой лошади и одетый в белую форму, и его суеверность, о которой еще предстоит сказать, была вовсе не при чем. На жгучем солнце белое одеяние сквозь прорезь прицела попросту сливалось с окраской песчаных барханов. Попробуй тут попади! Но в глазах суеверных кокандцев Ак-паша¹⁷ выглядел заговоренным от пуля. Так постепенно имя Скобелева стал окружать

---

¹⁶ Свита состояла из генералов, адмиралов и офицеров, зачисленных в нее за особые заслуги перед государем. Формально свита не являлась частью императорского двора, т. к. в большинстве своем лица, входившие в нее, занимали либо военные либо гражданские должности. Внешним свидетельством принадлежности к свите царя была особая форма. По указу от 28 февраля 1855 года все свитские носили на погонах (эполетах) вензель Александра II, серебряные аксельбанты и имели вензельные нагрудные знаки.

¹⁷ Ак (тюрк.) – белый.

особый ореол и даже в самых отдаленных кочевьях о русском военачальнике знали и говорили одни с боязнью, другие – с уважением.

По указу царя от 18 февраля 1876 года Кокандское ханство упразднилось, а его территория преобразовывалась в Ферганскую область, которая вошла в состав Туркестанского генерал-губернаторства. Первым губернатором области и начальником войск, располагавшихся в его пределах, был назначен Скобелев.

Правитель канцелярии Туркестана генерал А. И. Гомзин, в руках которого находились кадровые перемещения, с опасением говорил К. П. Кауфману: «Не рискованно ли было... назначать на ответственный административный пост слишком ретивого кавалериста?» На что Кауфман ответил: «А вот, Андрей Иванович, сделаем опыт, авось этот кавалерист нас не осрамит».

Гомзин явно не симпатизировал Скобелеву, но перед лестью, которую пустил в ход новоиспеченный губернатор, устоять не смог. «Ваше превосходительство видит перед собой новичка в гражданской службе, – сказал Скобелев, обращаясь к Гомзину. – У меня нет ни знаний, ни опыта; мне нужен руководитель, и я пришел искать его в лице вашего превосходительства». Такой тон во многом смягчил Гомзина и как рукой снял высокомерие и пренебрежение.

С присущей ему энергией Скобелев взялся за устройство разоренного военными действиями края. Уже к концу апреля Ферганская область по своему административному устройству мало чем отличалась от внутренних губерний России. Образовывались уезды и их управления, областное управление и губернаторская канцелярия рассылали указы и инструкции, становилось на ноги городское хозяйство. Возле дома, который занимал Скобелев, и в людных местах появились объявления, извещавшие жителей, что генерал-губернатор принимает просителей по любым вопросам ежедневно утром.

Но вся эта огромная по масштабу работа могла рухнуть в одночасье, поскольку Ферганская область напоминала пороховую бочку. Борьба за лучшее место под солнцем раздирала племена и была тем фитилем, который мог взорвать хрупкое спокойствие. И вот здесь Скобелев выступил как отменный дипломат. Он, не раздумывая смещал вождей, которые безвольно следовали порывам толпы, задабривал лояльную знать, оберегал права дехкан, жестоко карал подстрекателей. На удивление высшего мусульманского духовенства, ожидавшего расправы за то, что оно в ходе боевых действий подогревало страсти, Скобелев не стал вмешиваться в дела вероисповедания. Остались неприкосновенными и традиции разноплеменного края.

Вода испокон веков была здесь главной жизненной силой. Скобелев сосредоточил на строительстве арыков лучшие инженерные силы, какие имелись в его распоряжении. Фергана буквально на глазах превращалась в цветущий оазис. На дорогах, связующих города и долины, все реже и реже звучали истошные и разъяренные голоса купцов, проклинавших рытвины и ухабы. Караванные пути были взяты под охрану и движение по ним сделалось безопасным.

К величайшему удовольствию простых людей, Скобелев дал понять, что избавление от рабства не сиюминутный каприз, а мера, ведущая к полному уничтожению этого позорного явления. Непреклонен был губернатор и в упорядочении налогов. Такое в Фергане было в диковину.

К. П. Кауфман писал в Петербург: «Михаил Дмитриевич занимается серьезно своим делом, вникает во все, учится и трудится... Народ подает «арсы» (просьбы. – Б. К.) с полным доверием и, кажется, доволен своим теперешним положением...»

Из столицы во вновь приобретенные владения потянулись высокопоставленные инспекторы и визитеры. Скобелев встречал гостей с необычайной помпезностью и поражал восточным гостеприимством и обилием развлечений. Но за время долгого обратного

пути восторги и впечатления становились умереннее и уступали место зависти и недобрым мыслям, которые в великосветских кругах обретали реальные очертания в виде нелестных отзывов и сплетен о молодом генерал-губернаторе. О них в весьма противоречивых строках повествует американский военный агент в России А. Грин: «Скобелев... пустился в поход против интендантских чиновников... И так как они столь же ловки, сколь неразборчивы, то и не замедлили обвинить его в Петербурге в весьма серьезных злоупотреблениях. Один флигель-адъютант послан был для расследования дела; холодно принятый генералом... флигель-адъютант вернулся в Петербург с докладом, в котором Скобелев обвинялся во взяточничестве на сумму около миллиона рублей».

Скобелев, непримиримый противник обкрадывания солдат, не позволял никому запускать руку в государственный карман и жестоко карал тех, кто пытался нажиться на недоплате и недодаче. Это создало ему множество врагов, которые вели нечистоплотную борьбу против генерала.

Вот как развернулись дальнейшие события. Скобелев вынужден был испросить у Кауфмана отпуск и спешно выехал в Петербург, где представил все счета и бумаги в Государственный контроль. Генерал был оправдан.

В письмах, получаемых Кауфманом из Петербурга, недоброжелатели Скобелева обозначены буквами латинского алфавита, поскольку близость их ко двору была очевидной. Скобелев, словно от назойливых мух, отбивался от столичных протезе. Возвращаясь из Туркестана ни с чем, они поливали грязью молодого генерал-губернатора, ставили под сомнение его боевые заслуги и, уж конечно, не обходили молчанием административную деятельность. И вот здесь напридумывали черт знает что!

Поговаривали: дескать, Скобелев живет как падишах, в администрации края полно аборигенов, в ней царит дух угодничества и казнокрадство. Известно ли было верхоглядам, что казацкая нагайка грозила тому, кто осмелился поднести чиновникам дорогие подарки! Таков обычай, пытались убедить Скобелева некоторые. Но генерал был непреклонен. Свой единственный подарок, принятый от местных вельмож – лошадей, верблюдов, ковры, украшения – он продал на аукционе. Выручив от продажи три тысячи рублей, Скобелев купил землю, построил на ней кишлак, провел к нему арык и поселил часть беднейших семей.

Туркестан стал подлинной школой для русской армии. Ей и ранее были чужды проявления челоуеконенауистничества, не возобладали они и в пору завоевательных походов. И хотя авторитет России утверждался силой оружия и полководческими дарованиями военачальников, Скобелев считал, что на отдаленную перспективу этого недостаточно. Все должно познаваться в сравнении. И вот среди неимоверной грязи и полудикого бытия стали возникать островки цивилизации – военные городки, радующие глаз ухоженностью и порядком. Пришла рота или батальон с учений – готов теплый душ, настал вечер – пожалуйста в чайную, а в дневную жару самое лучшее посидеть в прохладе библиотеки за доброй книгой. Наступил христианский праздник – помывка в бане, извечная чарка и молебен в походной церкви. На это зрелище собирались целые толпы народа. Могущество духа победителей воздействовало на умы местного населения более, нежели угрозы и расправы.

А тут случилось и вовсе невиданное. В военных городках появились женщины. Это Скобелев настоял на том, чтобы солдатские и офицерские жены получили возможность присоединиться к мужьям. Скобелеву с трудом удавалось унять поток благодарности. Он-то ведь хорошо знал, что вовсе не райские кущи ожидают русских женщин. Между тем, они не сидели сложа руки. Так появились мастерские, где чинили и шили солдатскую и офицерскую одежду, школы, где сеяли разумное, доброе, вечное воспитанницы пансионеров и институтов благородных девиц.

Однажды в одной из слободок, что возникла вблизи военного городка, появился на свет первенец. Надо ли говорить, что радость была всеобщей. Детский плач возвестил, что

отныне Россия твердо стоит в Средней Азии. Забегая вперед, можно сказать, что многие вышедшие из службы солдаты так и не пожелали расстаться с Ферганским краем.

Для Лондона российские завоевания в Средней Азии стали костью в горле. К тому же их надежно опекали и оберегали от проникновения английских агентов генералы туркестанской закалки К. П. Кауфман и М. Д. Скобелев. Последнему пришлось приложить немалые усилия, чтобы поубавить прыть у охотников пощупать на прочность положение русских в Фергане.

В это время, когда английские пушки расстреливали Кабул, английская пресса разразилась истеричным воплем: «Русские идут на Индию!» Отповедь английским дипломатам из уст Скобелева звучала так: «Мы за твердое будущее границ наших и не ищем чужих земель в английских колониальных пределах, простершихся в Азии от Тегерана до Пекина, но и не позволим английскому штыку блеснуть в долинах Ферганы и Коканда».

Границы Ферганской области до присоединения к России имели весьма расплывчатое и приблизительное изображение на картах. В условиях же реального соприкосновения с английскими владениями они легко могли стать яблоком раздора. По мнению Скобелева, Россия должна обезопасить себя в Европе, предприняв решительное движение за Тянь-Шань и заставить признать весь Ферганский Тянь-Шань русским.

Было известно, что Англия и Цинский Китай вели острую дипломатическую борьбу между собой за раздел сфер влияния в этом обширном горном регионе, где в ту пору проживали припамирские таджики и памиро-алайские киргизы. Могущественные кокандские ханы быстро сломали сопротивление разрозненных кочевых племен и обложили их непомерной данью. Болезни и нищета поглощали тысячи жизней. Немудрено, что киргизы стояли на грани вымирания. В поисках спасения взоры правителей горного края не раз обращались к России. Просьбу о покровительстве нетрудно усмотреть в письме, которое пришло на имя Туркестанского генерал-губернатора: «Положение киргизов вам хорошо известно... Мы, несчастные кокандские подданные, могли бы избавиться от тиранства Худояр-хана и найти спокойствие». Положение киргизов Алая в некоторой степени облегчалось тем, что северные их сородичи уже присоединились к России, но лишь только по окончании Кокандского похода стало возможным совершить экспедицию в страну гор.

В «Туркестанских ведомостях» от 30 августа 1876 года говорилось, что К. П. Кауфман «приказал генералу Скобелеву двинуть небольшие отряды к горам, коим занять главнейшие выходы из гор в долину и идти с главными силами в восточную часть гор». Скобелев спешно, но без суеты, снарядил, подготовил и лично возглавил экспедицию за Алайский хребет.

Скобелев вел свой отряд по тропам, по которым доселе не ступала нога русского человека. Что ожидало ведомый им отряд на неизведанном и коварном пути? Вполне возможно, что он стал бы легкой добычей воинственных китайцев, ведь он состоял всего лишь из восьми рот пехоты, четырех сотен казаков, трех горных орудий и ракетной батареи. Но все обошлось благополучно, ни китайцы, ни бродячие шайки памирских беков ни разу не потревожили экспедицию набегами. Скобелев без помех мог осуществить задуманное. Специалисты-этнографы, метеорологи, топографы трудились на совесть, обследуя и изучая обширный горный массив, населенный многочисленными кочевыми племенами. В редкие минуты отдыха Скобелев, словно очарованный странник, не мог без восхищения взирать на могучие и таинственные конусообразные пики, на удивительное переплетение караванных троп, на причудливую игру солнечных бликов в студеной брызгах водопадов, на веющие могильным холодом ущелья, на великолепие красок высокогорных лугов.

Неожиданно отряд натолкнулся на стоянку царицы Алая Курманджан Датко. Вот, что поведала русскому генералу женщина, наделенная недюжинным умом и облеченная безграничным доверием своего народа. Вот уже несколько лет она ведет бесплодную борьбу со своими вассалами, каждый из которых стремился перетянуть на себя лоскутное одеяло, какими

представлялись разбросанные луга и пастбища. Недалеко от подданных ушли и сыновья, бросившие мать на произвол судьбы и стремившиеся урвать свой собственный кусок. «Я устала от бесконечных распрей, желаю мира и покоя», – заявила Курманджан.

В русской прессе появилось сообщение о том, что Скобелев якобы пленил гордую царицу и привез ее в Фергану в обозе. Конечно, это был вымысел. Вероятнее всего, Скобелев пленил правительницу прежде всего обходительностью, желанием вникнуть в суть происходившего в этом обойденном Богом уголке. Царица Алая первой протянула руку и попросила Скобелева быть «тамыром», другом. Надо полагать, что жест этот не остался без ответа. Генерал покидал южную Киргизию в твердой уверенности в том, что границы российских владений, к слову, получивших реальные очертания, останутся незыблемыми и неприкосновенными. Курманджан Датко с готовностью откликнулась на предложение принять русских купцов и обязалась соблюдать их интересы. Свое обещание правительница сдержала. За те две недели, которые провели подчиненные Скобелева во владениях царицы Алая, они сумели обучить киргизов незнакомой им ранее науке косьбы. С этого момента она прочно вошла в их быт.

По возвращении в Фергану Скобелев засел за почту. С особой жадностью набросился он на столичные газеты. «Болгария в беде», «Славянская резня в Стамбуле», «Румыны отказываются платить дань султану» – вот только незначительная часть заголовков, которыми пестрели петербургские и московские издания. Из таких сообщений Скобелев без труда сделал вывод – быть войне. И тут возник вопрос: каким образом попасть на нее? Спешно он пишет письмо отцу, где просит замолвить за него словечко перед государем, а самому царю, как полагалось, написал прошение. Не дожидаясь ответа на него, Скобелев стал прощупывать отношение к нему в Зимнем дворце через графа Адлерберга: «...Я считаю предложить себя на какую бы то ни было чистую должность в действующих войсках логическим последствием всего моего прошлого и поступить иначе я относительно самого себя не могу...», – а в качестве пожелания: – «...командовать бригадою, если возможно, то пехотною, в бою было бы для меня верхом счастья».

Увы, ответ, полученный Скобелевым из канцелярии императора, вмиг перечеркнул все надежды. Смысл его сводился к тому, что в качестве генерал-губернатора Скобелев еще недостаточно проявил себя. Так дерзайте, генерал! Пользуйтесь благосклонностью государя и оправдывайте его доверие! И вот тут-то Скобелев решился на отчаянный поступок. Дескать, Бог не выдаст, отец и дядя уберегут от неприятностей. А решение было таковым: хоть рядовым, но участвовать в войне. Призвав в союзники удачу, Скобелев выехал в Петербург.

Из-за чего начинаются войны

Ласковые лучи солнца, выплывающего из-за нависших над зелеными долинами Балканских гор, теплые волны Черного моря, скользящие по золотистому прибрежному песку, гроздь спелого винограда, возвращенного заботливыми руками, пьянящий дурман известных во всем мире розовых плантаций – все это Болгария.

Однако красоты природы и благодатная земля, которая щедро одаривала народ, испокон веков живущий на ней, на протяжении многих столетий были лакомым куском для завоевателей. В описываемое время Болгария более пяти веков находилась под пятой турецкого владычества. Турки, не мудрствуя лукаво, обложили болгар непомерной данью. В народе горько шутили, дескать, только воздух остался бесплатным. За все остальное приходилось расплачиваться либо чистоганом, либо живностью, либо большей частью урожая. По неписанным захватническим законам болгары должны были содержать турецких чиновников и войска. О том, каким образом вскормленным на болгарских хлебах янычарам удавалось держать народ в узде, красноречиво говорят поэтические строки Ивана Вазова:

Видел, как дома сжигают,
Превращая в дым и тлен?
Божью церковь оскверняют,
Молодежь увозят в плен.

Стариков изнеможденных
Злобно жгут в огне костров,
Убивают нерожденных,
Чрево матери вспоров.

Скобелев не мог равнодушно читать сообщения российских и зарубежных газет о зверствах и издевательствах турок над болгарями. Единоверцы взывали о помощи. Предполагали тогда Скобелев, что на Балканской войне наступит его звездный час? Наверно, нет. Однако назвать мальчишеством поступок Скобелева, оставившего почетную губернаторскую должность, не поворачивается язык.

Пренебречь выгодами, которые сулило длительное пребывание на этом высоком посту, расстаться со спокойной жизнью, броситься в огонь сражений, без сомнения более жестоких и широкомасштабных, чем предыдущие, и, может быть, познать измену фортуны, до сих пор щадившей его, и сложить голову в одном из боев – вот ведь на что решился Скобелев. И в этом решении трудно усмотреть опрометчивость, если учесть, с какой глубиной и серьезностью он изучал положение южных славян и политическую обстановку, которая сложилась в Европе к середине семидесятых годов.

Эпицентром напряженности, готовой перерасти в вооруженный конфликт, стали Балканы. Здесь, как нигде на континенте, переплелись в единый клубок интересы Англии, России, Турции, Австро-Венгрии, Германии. По-разному глядели из министерских, императорских, султанских и президентских кабинетов на Балканский полуостров: одни с ненасытным желанием урвать кусок территории, другие с нескрываемой надеждой на то, что именно в этом районе наконец-то восторжествует справедливость и славянские народы обретут долгожданную свободу.

Началом первого этапа освободительной борьбы против турецкого господства стало вспыхнувшее в Герцеговине летом 1875 года восстание против национального и феодаль-

ного гнета турецких поработителей. Вслед за Герцеговиной поднялась Босния. Все это вызвало резкое осложнение ситуации в Европе.

Разрешить возникший кризис, получивший название восточного, взялись великие державы, но только с одной из них, с Россией, народы Балканского полуострова связывали свои надежды на поддержку в мужественной и справедливой борьбе. И они не ошиблись. Русский народ оказывал героическим повстанцам материальную помощь: от сбора средств на приобретение хлеба и оружия до непосредственной помощи медицинским персоналом. Росла год от года солидарность народов России с освободительной борьбой южных славян. На Балканы выехали десятки русских добровольцев.

Главные европейские государства в период восточного кризиса занимали различные позиции. Германия пыталась использовать его для ослабления России. Бисмарк рассчитывал втянуть ее в войну с Турцией, а затем сравнить Россию с Австро-Венгрией, благо яблоко раздора, пресловутый восточный вопрос, не был решен. Россия, еще не совсем оправившаяся после Крымской войны и ее последствий, не имея в начале восточного кризиса возможности открыто проявлять чувства, заботилась лишь о сохранении своих позиций на Балканах и поддержания своего престижа среди братьев-славян. Что касается Англии, то ее желания несколько совпадали с желаниями Германии, но если Германия опасалась помощи России Францией, то Англия просто мечтала, чтобы Россия увязла в кризисе и руки русского императора не дотянулись до границ с Индией.

Тем временем, пока плелись различного рода дипломатические интриги, на стороне Боснии и Герцеговины выступили Сербия и Черногория. Слабость их сил не вызывала сомнений, и потому весь ход боевых действий строился из расчета на помощь России. Но Россия на первом их этапе сохраняла нейтралитет, пытаясь дипломатическим путем решить балканскую проблему. Вступление в войну Сербии и Черногории вызвало в России новую волну всенародного сочувствия южным славянам. В движении помощи приняли участие все слои русского общества, призывавшие царское правительство активно вмешаться в войну, так как обстановка в Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговине стала складываться явно не в их пользу. И 19 октября 1876 года царское правительство предъявило Турции ультиматум. Султан принял его условия, поскольку не был подготовлен английскими суфлерами к столкновению с Россией, да и Англия в этот момент мало чем могла ему помочь. Но вероятность войны с Турцией не уменьшилась, наоборот, ее приближение чувствовалось с каждым месяцем все больше.

Не менее драматические события развернулись в апреле 1876 года в Болгарии, народ которой решил покончить с турецким господством. С первых дней восстания в России с неослабным вниманием и сочувствием следили за ходом героической борьбы. Возглавлял ее Христо Ботев. Увы, восставшим не хватало ни оружия, ни опыта борьбы с регулярной армией. Исход был предreshен. Турки, по обыкновению, невероятно жестоко отплатили болгарам, вырезав несколько десятков тысяч человек, спалив дотла сотни сел и городов. Сам Ботев погиб.

Но даже явный неуспех апрельского восстания заставил содрогнуться прогнившие основы Османской империи. В Стамбуле призадумались и, дабы уберечь страну от новых потрясений, 23 декабря 1876 года султан ввел в Болгарии Конституцию. Но разве это то, о чем мечтали болгары? Надежда на свободу потонула в словесной казуистике. И единственным государством, которое могло помочь болгарскому народу решить задачу национального освобождения, была Россия. Но могла ли страна в тот момент поступиться значительной частью сил, которые собирались с невероятными трудностями? Наверно, нет.

От начала российских реформ прошло четырнадцать лет, однако за этот скромный по историческим меркам срок во внутреннем устройстве России произошли немалые перемены. Помещики утратили безраздельное право хозяйничанья на земле, умы россиян

больше не содрогали сообщения о купле-продаже людей, набирало силу земское самоуправление. Законодательные вериги значительно полегчали, поубавилось прыти и у судейских чиновников. На слуху у россиян появились слова: «концессия», «банк», «земельная ссуда», «призывник».

Но только глупцу могло показаться, что преобразования шли гладко и жизнь в России менялась к лучшему как по мановению волшебной палочки. Россия глотнула всего лишь поток свободы административной, хозяйственной, человеческой. Но и его оказалось достаточно для того, чтобы признаки новой общественной формации прочно обосновались в российском укладе. Словно на дрожжах стало расти городское население, а оно пополняло ряды рабочих заводов и фабрик. Названия полукустарных мануфактур все реже мелькали в официальных бумагах и прессе, а затем и вовсе исчезли. Традиционные российские ярмарки стали набирать такие обороты, что исконно русские товары безудержно ринулись за границу и там выдержали жесткую конкуренцию. К началу войны с Турцией торговля России с внешним миром выросла по сравнению с 1861 годом аж в три раза! Казна могла без помех выделять средства на программы, направленные на улучшение образования, на развитие науки и культуры. Ничто и ничего не делалось без твердого соблюдения принципа безопасности России. И государь, и его многочисленные помощники были убеждены, что все предпринятые шаги в политике, экономике, культуре скажутся в итоге и на вооруженных силах.

И в этом отношении какие-либо скоропалительные решения были пагубными и непредсказуемы по своим последствиям. Как, например, сложно перейти в одночасье от ручного разлива меди, из которой отливалось большинство пушек, на непрерывную варку и разливку стали, которая была так необходима для современного вооружения? Каким образом за год или два можно наладить производство пороха, патронов, снарядов в количествах, необходимых для армии массовой? Каким способом и на основе каких пособий, уставов можно было в считанные годы подготовить кадровых офицеров? Какую систему требовалось принять, чтобы армия не имела недостатка ни в продовольствии, ни в фураже? И как можно за столь короткий срок внушить солдату, что отныне он не «полковой крепостной», а человек, стоящий вровень с командирами? Отвечая на все эти вопросы, Д. А. Милютин незадолго до войны писал: «Внутреннее и экономическое перерождение России находится на таком фазисе, что всякая внешняя ему помеха может повести к весьма продолжительному расстройству государственного организма. Ни одно из предпринятых преобразований еще не закончено. Экономические и нравственные силы государства далеко еще не приведены в равновесие с его потребностями. По всем отраслям государственного развития сделаны или еще делаются громадные затраты, от которых плоды ожидаются лишь в будущем».

Вот в таком состоянии подошла Россия к началу войны.

Ф. Энгельс, который вовсе не сочувствовал России, очень точно отметил в письме к Л. Кугельману: «Война на Востоке, очевидно, скоро разразится. Русские никогда не имели возможности начать ее при таких благоприятных дипломатических условиях, как именно теперь. Зато военные условия менее благоприятны, чем в 1828 году, а финансовые крайне неблагоприятны для России, потому что ей никто не даст ни гроша займа»¹⁸.

Не в характере русского народа стоять в стороне и быть обычным созерцателем тяжелых страданий болгар. Зверства турок вызвали чувства глубокого возмущения. По всей стране прокатилась волна негодующих протестов. Создавались славянские комитеты, усилилось движение поддержки славян в их борьбе против султанской Турции. В защиту прав мужественного и героического болгарского народа выступили выдающиеся русские ученые, писатели, художники: Д. И. Менделеев, Н. И. Пирогов, Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, И. Е. Репин и многие другие. По всей России начался сбор пожертвований. Вот одно из многих

---

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 34. С. 169.

писем, посланных вместе с деньгами в один из комитетов крестьянами села Вязовый Гай Самарской губернии. Они писали: «По горькому опыту зная, как тяжело жить в несчастье... Знаем, что невелика наша помощь, состоящая в 143 руб[лях], но она приносится от чистого усердия и посильных средств не богатых людей, а мужей, жен и даже детей бедного сословия».

Забегая несколько вперед, скажем, что в день отъезда Скобелева из Спасского обитателя имения и крестьяне вручили ему небольшой мешок, туго завязанный бечевой, в котором позвякивали деньги «на войну». Доподлинно известно, как Скобелев дорожил крестьянскими грошами и, раздавая их, присовокуплял зачастую и свои деньги особо отличившимся солдатам. Слова, которыми он сопровождал вручение трудовых денег, не оставляли сомнения в том, что они шли от сердца.

Человек, рискнувший в то время возвысить голос против войны с Турцией, вполне мог навлечь на себя всеобщий гнев и презрение. Наэлектризованность общественного мнения передалась и окружению императора. Точка зрения, что война – единственный способ преподнести предметный урок Турции преобладала у царедворцев. Государь, считаясь с мнением света, все же гнул свою линию. Представлять ее пацифистской, а самого Александра Второго «мягкотелым», было бы ошибочным. Нередко обстоятельства брали верх, однако Александру Николаевичу не свойственно было принятие опрометчивых решений. В данном же случае речь шла о шаге непростом.

Государю были памятливы и горький привкус порохового дыма, и черное, закопченное небо над Севастополем. Наследнику престола категорически возбранялось появляться на передовой, но в осажденном городе попросту невозможно было провести четкую разграничительную черту между фронтом и тылом. И те госпитали, в которых бывал великий князь Александр, не раз становились мишенью для обстрела. Цесаревич оказался свидетелем кровавой драмы и воочию познал изнанку боевых действий. Он поражался терпению израненных и искалеченных воинов, восхищался мужеством немногочисленного медицинского персонала, жертвенно служившего спасению человеческих жизней. Такое не могло пройти бесследно.

В понятии государя прочно сложились убеждения, что любая бойня есть цепь заблуждений и нежелания царей, королей и их министров признать политические просчеты в мирном решении противоречий. Однако представлять Александра II человеком, не обладавшим достаточной волей в защите интересов России, было бы глубоко ошибочно. Правило древних: «Хочешь мира – готовься к войне» император усвоил твердо и потому в числе наиглавнейших государственных забот считал преобразование армии.

За обустройством России Александр II не упускал из внимания обстановку насилия и жестокости, которая царила в православном славянском мире.

Внутреннее неприятие несправедливости сложилось отнюдь не случайно. Николай I не препятствовал сыну ни познанию учения славянофилов, ни личному знакомству с наиболее яркими представителями движения. Так будущий император попал под сильное влияние идей А. С. Хомякова, Ю. Ф. Самарина, князя В. А. Черкасского, И. В. Кириевского. Убежденные монархисты внушали Николаю Первому необходимость отмены крепостного права сверху, вынашивали идею объединения славян под эгидой России. Но если к предполагаемым реформам Николай Павлович относился с великим предубеждением, считая их несвоевременными, то доктрину единения братьев-славян: русских, болгар, сербов – поддерживал целиком и полностью и положил в основу отношений с Турцией. Войны с Портой оправдывали его убеждения и глубокие симпатии к единоверцам. Подобные взгляды Николай Павлович стремился передать сыну и, следует признаться, что в лице наследника российского престола намерения отца нашли достойного продолжателя.

В готовности народа и армии к очередному испытанию Александр II не сомневался и все же опасался совершить неверный шаг. А к нему подталкивали как зарубежные недоброжелатели России, так и доморощенные ура-патриоты, не представлявшие последствий возможной неудачи. Труднее было с российским духовенством, которое рассматривало отказ от применения военной силы как малодушие монарха, сулившее потерю авторитета России в православном мире. Не исключалась такая ситуация, что, не найдя поддержки у России, болгары бросятся в объятия яркого русофоба Папы Пия IX. Мысль не допустить нежеланного поворота событий нашла выражение в бескомпромиссном решении – прибегнуть к силе оружия. К нему император пришел не наперекор, а в полном согласии со своей совестью. Так завершилась напряженная работа ума, сопровождаемая невероятным напряжением физических и моральных сил. А ведь император был далеко не молод. В 1877 году ему исполнилось пятьдесят девять лет.

Здесь следует отметить особую роль в России общественного мнения. Понимая неготовность страны к войне (мы уже писали об этом выше: еще шли военные реформы и армия не укрепилась, в экономическом отношении страна также не была сильна, в правящих кругах России не было необходимого единства в оценках восточного вопроса и методах его решения), государь, как мог, оттягивал наступление рокового часа. Но русское общество, его интеллектуальная элита, как всегда, отличались нетерпеливостью, нервозностью. Печать, порицая «жестокое методы турецкого управления, которые довели до отчаяния население», дружно взывала к мщению. «Русский мир», близкий к славянофильским кругам, открыто критиковал правящий кабинет за примирительную политику по отношению к Турции и близость с Австро-Венгрией. Россия призвана выполнить «долг, завещанный историей». Оскорбленное «русское чувство», не считаясь с объективными обстоятельствами, решительно подталкивало страну к войне, раздувая паруса. Медлительность и компромиссность Александра II встречались в штыки, началась травля государя. Но царь крепился долго, и тогда, когда уже «разогретое» общественное мнение готово было засыпать Зимний ядовитыми стрелами, Рубикон был перейден, невзирая на то, что России, конечно же, война тогда была крайне нежелательна. Правда, за период челночной дипломатии 79-летнему министру иностранных дел А. М. Горчакову удалось добиться «доброжелательного нейтралитета» Австро-Венгрии и известных гарантий от враждебного вмешательства правительств Запада.

Готовился к войне и «больной человек» – так с 1839 года стали называть Турцию, хозяйство которой, до сих времен обширное, богатое и спокойное, стало разваливаться, потому и надежды на победу связывались лишь с «родственной помощью».

События в конце 1876 года разворачивались следующим образом. В России была проведена мобилизация, в результате которой численность Дунайской армии, предназначенной для ведения боевых действий против Турции на Балканском театре (одновременно на Кавказе переступала границу азиатской Турции Кавказская армия), достигла двухсот тридцати пяти тысяч человек. Во главе Дунайской армии стоял главнокомандующий, назначаемый самим царем и наделенный большими правами. Именно в руках главнокомандующего и его штаба находилась судьба всей предстоящей кампании.

Эпоха начала развития капитализма не способствовала появлению достаточно ярких личностей военачальников. Стычки с горцами на Кавказе и в Средней Азии не принимались всерьез. Ехать воевать с «халатниками» высшие чины считали ниже своего достоинства, поэтому делали карьеру на петербургских балах и участвуя в дворцовых интригах. И вдруг – война в Европе, притом с извечным врагом России, Турцией.

Главнокомандующим Дунайской армией государь назначил великого князя Николая Николаевича (старшего)¹⁹. Оценки личности родного брата императора и свершенных им

---

¹⁹ В. кн. Н. Н. Романов (1831–1891) – третий сын императора Николая I и императрицы Александры Федоровны. Гене-

деяний крайне противоречивы. В официальной прессе главнокомандующий представлен таким: «Его красивая, стройная фигура на чудном коне появлялась с утра то там, то здесь перед войсками, которые, услышав его звонкий голос, его ласковый привет, радостно отвечали Его Высочеству, удваивая свое старание угодить ему, своему любимому начальнику. И войска не только любили, обожали его, потому что Великий князь был необыкновенным начальником». Вышеизложенное во многом соответствовало действительности. Обратимся к биографии Николая Николаевича.

Родился он 22 августа 1831 года. В день крещения порфирородного младенца отец возложил на сына знаки ордена св. апостола Андрея Первозванного²⁰, Царское Село огласило эхо орудийных выстрелов, а вечером столица России была красочно иллюминирована. Император Николай Павлович воспитывал в сыновьях чувство долга, с детства приучал вести непритязательный образ жизни. В шестилетнем возрасте великий князь встал в строй гвардейцев, а на следующий год получил из рук отца саблю, выслушав при этом напутственные слова: «Великий для тебя и для нас день... ибо сим знаком посвящаем на службу будущую брату твоему и родине...»

25 июня 1839 года Николай Николаевич с братом Константином стал кадетом I Кадетского корпуса. Боевая учеба и фронтовая служба закалили характер и во многом способствовали раннему взрослению. 1 июля 1846 года на плечах Николая Николаевича заблестели офицерские эполеты. В семнадцать лет он – капитан и в течение двух лет командует ротой, не прерывая занятий по военной истории, стратегии, тактике, топографии. В числе его преподавателей – генералы П. П. Карцов и Д. А. Милютин.

Боевое крещение великий князь Николай Николаевич и его брат Михаил получили в Крымскую кампанию. Николай I рекомендовал главнокомандующему «не держать сыновей в тени», а в случае опасности они должны «собой подавать пример». Можно утвердительно сказать, что за месяцы, проведенные в Севастополе, великий князь Николай доказал, что он не трус, способен стойко переносить трудности неудачно складывающейся для русских войны, не робеет при артиллерийском и ружейном обстреле. За участие в сражении при Инкермане Георгиевская дума постановила наградить Николая Николаевича орденом св. Георгия IV степени. Э. И. Тотлебен по достоинству оценил и знания своего юного помощника в фортификации. Не случайно, что после смерти отца старший брат, император Александр II, поручил Николаю Николаевичу подготовку прибалтийских крепостей и других береговых укреплений к отражению возможной высадки десанта союзников.

В годы переустройства вооруженных сил России Николай Николаевич возглавил государственную комиссию, которая направляла и контролировала ход преобразований. Невзирая на ограниченность средств, выделяемых казной, и организационные сбои, армия в значительной степени изменила свой облик, не потеряв боеспособности. Особое место в нововведениях занимал Петербургский военный округ, на базе которого осуществлялись многие начинания. Командовал округом с августа 1864 года Николай Николаевич.

И все же назначение его главнокомандующим Дунайской армией было под вопросом. Император Александр Николаевич, пожалуй, как никто иной, трезво оценивал военные дарования брата, считая их далекими от требований, которые предъявляет начальнику война. Самого государя отличала глубина познаний военной теории, тщательная взвешенность

рал-фельдмаршал (1878). На должность главнокомандующего Кавказской армией был назначен в. кн. Михаил Николаевич (1832–1909) – четвертый сын от этого брака. Генерал-фельдмаршал (1878).

²⁰ Точная дата учреждения ордена неизвестна (1697 или 1699). Статут 1720 г. называет главой ордена Петра I, но сам царь был только шестым по счету кавалером ордена и принял его из рук первого кавалера – генерал-адмирала Д. А. Голвина. Павел I в «Установлении об орденах» регламентировал порядок получения ордена. Знак – косой андреевский крест синей эмали с изображением распятого святого. На концах креста – латинские буквы S.A.P.R. (в переводе «Св. Андрей покровитель России»). Девиз ордена – «За веру и верность». Великие князь получали орден при крещении, а князья императорской крови – по достижении совершеннолетия.

решений. Будет уместно заметить, что роман императора с княжной Екатериной Долгоруковой породил семейные дразги и для государя не являлось секретом, что брат вынашивает тайное желание сменить его на престоле, а война представляла прекрасную возможность завоевать всенародную популярность.

Портрет великого князя дополняют воспоминания офицера штаба Дунайской армии М. А. Газенкампа: «У него нет навыка всесторонне обдумывать сложные военные действия и делать общие распоряжения с надлежащим расчетом времени и в связи с действиями на других фронтах. Приказания его внезапны, отрывисты, без корней в прошедшем и без ясных расчетов на будущее. Убеждать его в необходимости тщательной примерки прежде чем отрезать – напрасный труд: это слишком несогласно с его природными свойствами».

Государь стоял перед весьма нелегким выбором. Не утверди он брата главнокомандующим Дунайской армией – родня взвоят, назначь – греха не оберешься. Скрепя сердце, государь все же объявил о назначении брата, а в подмогу ему решил дать полного тезку – генерала Николая Николаевича Обручева, который занимал пост начальника военно-учебного управления русского Генерального штаба. Фактически же это управление являлось оперативным отделом, где разрабатывался план войны с Турцией. Обручев был одним из его главных творцов. Поставив на плане размашистую резолюцию «Утверждаю», государь пытался склонить братца взять к себе начальником штаба Обручева, но великий князь стал в позу необъезженного жеребца и наотрез отказался от такого помощника. Вероятно, сей отказ побудил государя принять решение отправиться на войну. Бережливый на солдатскую кровь, царь сознавал, что многое из того, что отражено на карте, может превратиться в прах и потому убедил военного министра оставить обжитый кабинет. Н. Н. Обручев получил назначение на Кавказ. Великий князь Михаил Николаевич требовал не меньшей опеки, чем его брат.

Николай Николаевич был крайне неразборчив в людях и зачастую доверял ответственные посты либо абсолютным бездарям, либо проходимцам. О их роли в кампании еще предстоит сказать. Совершенно неожиданным для многих оказалось назначение на должность начальника штаба Дунайской армии генерала от инфантерии А. А. Непокойчицкого, который до войны занимал скромную должность шефа 54-го Минского полка. Артуру Адамовичу было далеко за шестьдесят; с изрядной сединой в усах, зачесанными назад волосами и круглыми бакенбардами он производил впечатление бодрого старика, хотя фигура и казалась сгорбленной. Непокойчицкий протащил за собой с добрый десяток прихлебателей, создававших суету в штабе без видимых результатов. Генерал, ценивший собственное спокойствие, служил буфером в нередких столкновениях главнокомандующего с Обручевым, а позднее и с Тотлебенем. Царь заверил брата, что в управление войсками вмешиваться не будет и накрепко держал свое обещание. «Нельзя не пугаться, – записал в своем дневнике Д. А. Милютин, – когда подумаешь, в чьих руках теперь это решение».

После разгрома апрельского восстания тысячи беженцев покинули Болгарию, и как только на горизонте забрезжила возможность вновь сразиться за поруганное отечество, многие из тех, кто был способен носить оружие, отправились в Кишинев, где под видом почетного конвоя главнокомандующего шло формирование болгарского ополчения. Во главе его был поставлен талантливый и передовой генерал русской армии Н. Г. Столетов.

Неизвестно, как бы сложилась судьба Николая Григорьевича, если бы после окончания Московского университета он не отправился добровольцем для участия в Крымской войне 1853–1856 годов. Уже тогда общественное мнение относилось к образованнейшим людям России. Прекрасное знание нескольких европейских и восточных языков позволяло Столетову хорошо ориентироваться в мировых событиях. Свою службу он начал рядовым солдатом, причем показал в сражениях замечательные образцы храбрости, за что был награжден высокой солдатской наградой – Георгиевским крестом, произведен затем в унтер-офицеры

и закончил войну, имея офицерский чин. Военное образование Столетов завершил в академии Генерального штаба. Личная храбрость, высокая образованность – качества, которые принесли ему заслуженный авторитет среди военных.

С приближением войны с Турцией на Балканах Милютин в ноябре 1876 года поручил Столетову приступить к формированию болгарского ополчения из русских и болгарских добровольцев. Он лично осуществлял отбор лучших и опытных в военном деле офицеров. Русские офицеры и унтер-офицеры, занимавшие в ополчении должности командиров, с большой энергией взялись за боевую подготовку болгарских ополченцев.

Все, кто имел возможность наблюдать за ходом подготовки болгарских дружин, отмечали необыкновенное усердие и понятливость ополченцев. Напряженная программа одиночной подготовки была пройдена менее чем за месяц, а затем настал черед тактических учений. В письме родителям прапорщик 5-й дружины Максюшенко сообщал: «С утра до вечера всё учения и стрельбы, даже и в праздники то самое». Всего было создано шесть дружин, составивших три бригады.

Будет уместно заметить, что перспективы применения ополченцев рисовались русскому командованию весьма туманно. В начале военных действий болгарским дружинам предстояло нести охрану коммуникаций Дунайской армии. Непредвиденное развитие событий в корне изменило отношение к болгарам. Они рвались в бой и на деле доказали, что время, потраченное на боевую учебу, не прошло даром.

Относительно политического устройства послевоенной Болгарии государь высказался более чем определенно: «Мы идем в Болгарию, чтобы принести им свободу, а не революцию». Александр Второй имел полное основание для такого высказывания. Болгарское национально-освободительное движение было крайне неоднородным. Болгары, воспитанники славянских комитетов и учащиеся русских учебных заведений, дальнейшую судьбу Болгарии видели только в монархии и в союзе с Россией. Раскиданные по всей Европе эмигранты (Болгарская омадина), желали утвердить в послевоенной Болгарии республиканское правление. Люди, верой и правдой служившие угнетателям, имели свой взгляд на развитие ситуации. По их мнению, для десяти миллионов болгар наименьшим злом являлся патронаж Турции, слабеющий день от дня. Временному правительству, куда входили известные патриоты Драгоман Цанков, Иван Вазов и другие, противостояло Одесское благотворительное общество. Примечателен в этой связи инцидент, происшедший в начале мая 1877 года, когда русские войска уже подходили к Дунаю.

Лидеры временного правительства обратились к соотечественникам с воззванием, в котором имелись и такие строки: «Народ болгарский! Ты сам устроишь свое правительство. Но до этого времени подчиняйся временному правительству, избранному патриотами». Дабы предостеречь Болгарию от смуты, одесситы выступили с не менее эмоциональным обращением, в котором упоминавшееся временное правительство называлось не иначе, как «фракция фантазеров». Усугублял раскол национальных сил некто Эммануил Богориди, рвавшийся безудержно на болгарский престол. Обладая значительными средствами, он жертвовал на создание болгарских дружин и из кожи вон лез, чтобы завоевать доверие русского командования. Однако пыл претендента резко остудил князь А. М. Черкасский.

– Вы говорите по-болгарски? – задал он вопрос Богориди.

В ответ прозвучало нечто невразумительное и претендент более не возобновлял призываний.

Князь Александр Михайлович Черкасский, гордившийся древностью своего рода, получил в среде военных корреспондентов прозвище «Бука». Только писатель Всеволод Крестовский, пользовавшийся неизменным доверием князя, был допущен в святая святых гражданского управления. В одном из номеров «Летучего военного листка», издаваемого Крестовским, князь поведал о задачах, которые призвано решать созданное им детище. «Я

желаю только устроить сильную администрацию, вернуть порядок и предоставить массе населения возможность улаживать свои общественные и частные дела при торжестве новых христианских принципов управления. Все остальное полагал бы предоставить самому болгарскому народу, который потом разберется в финансовых, судебных и других делах. Чем меньше мы предприм в этом смысле, тем меньшая ляжет на нас ответственность за несовершенное устройство. В будущем связь Болгарии с Россией-Освободительницей должна быть основана на высших соображениях, а не на мелочном и надоедливом вмешательстве во внутренние дела».

Резолюция императора на приведенном выше документе была до предела лаконичной: «Я именно этого и желаю». Таким образом принципиальный вопрос о послевоенном устройстве Болгарии был решен. В недружественных России странах раздался вздох облегчения – страна-победитель заранее отказывалась от намерения присоединить Болгарию к своим обширным владениям. Исчезла неясность и в кандидатуре правителя свободной Болгарии. Российский император стоял перед весьма сложной задачей. Династическая ветвь болгарских царей после пятивекового турецкого господства фактически пресеклась. Удовлетворить заинтересованные стороны мог только человек, к которому государь питал самые добрые чувства. До сих пор остаются загадочными обстоятельства, при которых принц Александр Баттенбергский²¹, родной племянник императрицы Марии Александровны, получил приглашение отправиться на театр военных действий, где, к слову, проявил незаурядную храбрость. Но, как показало время, одного этого качества оказалось недостаточно, чтобы управлять государством. Не подозревая, что он совершает великую ошибку, Александр II на протяжении всего своего пребывания в действующей армии оказывал молодому человеку внимание, достойное правителя государства. Тем самым другие претенденты на болгарский престол вскоре ушли в тень, а их имена перестали звучать.

...В начале марта 1877 года Скобелев приехал в Петербург. Столица встретила его густым и серым туманом, пронизывающим ветром и огромными лужами, через которые опасно прыгали пешеходы. На привокзальной площади лихие петербургские извозчики наперебой предлагали свои услуги. Разносчики газет стаями сновали в толпе и звонкими мальчишескими голосами выкрикивали последние новости.

Скобелев подозвал извозчика.

– Куда изволите ехать, ваше-ство?

– На Моховую, – ответил Скобелев и сел в коляску.

Возница занес для удара хлыст и уже приготовился выдохнуть традиционное: «Эх, прокачу!», но генерал остановил его жестом: поезжай помедленнее. Бородач с некоторым удивлением посмотрел на Скобелева и коляска как-то нерешительно тронулась с места. Скобелев распахнул шинель, откинулся на сиденье, достал из кармана письмо и в который уже раз за долгий путь от Ферганы до Петербурга пробежал глазами текст:

«Генералу Скобелеву высочайше повелено немедленно прибыть в Петербург для направления в действующую армию».

До того, как прибыть в Зимний дворец, Скобелев зашел в книжный магазин М. О. Вольфа. Сохранились воспоминания об этом визите.

– Михаил Дмитриевич, вы в Петербурге? – обратился Маврикий Осипович к нему, сразу узнав в молодом генерале своего давнишнего клиента, когда-то бравого кавалергарда.

– Да, я сегодня утром приехал и вот уже у вас. Надеюсь, найду у вас то, что мне нужно.

– Конечно, вы имеете в виду литературу о Балканах, о Турции? – догадался Вольф.

²¹ Александр Баттенберг (1857–1893) – князь болгарский, второй сын принца Александра Гессен-Дармштадтского от мorganатического брака с фрейлиной при дворе Николая I Юлией Гауке. Участвовал в русско-турецкой войне. 29 апреля 1879 г. избран народным собранием князем Болгарии. Отрекся от престола 7 сентября 1886 г. Закончил жизнь частным лицом.

– Да... все равно на каком языке.

Пока Скобелев рассматривал книги, Вольф заметил:

– Вы, Михаил Дмитриевич, конечно, едете в действующую армию?

– Да, еду, если только пустят. Но пока не знаю, какой ветер подует оттуда... – И он сделал жест рукой. Вольф понял этот жест. Для него, как для всего общества того времени, не было тайной, что на Скобелева косились в высших сферах, завидовали его успехам и победам в Средней Азии, считали его боевую славу дутой и не хотели дать молодому генералу случая показать свои способности в «серьезной войне».

На представлении вновь зачисленных офицеров в свитские, Александр II, не подав ему руки, резким тоном сказал:

– Благодарю тебя за молодецкую твою службу, к сожалению, не могу сказать того же об остальном... Я помню, я знал твоего деда, и я краснею за его славное имя... – Далее слова императора долетали до Скобелева словно издалека: – Я осыпал тебя милостями... Я надеюсь, что на новом назначении, которое я тебе дам, ты покажешь себя молодцом...

Скобелев недоумевал. Кому и зачем понадобилось очернить его? Вспомнились буквы латинского алфавита, которыми были обозначены недоброжелатели в известном письме к Кауфману. Теперь же, в столице, он без особого труда распознал, кто скрывался за этими символами. Видимо, эти люди и распустили слух о том, что он сбежал из Туркестана. На самом же деле генерал испросил, как и полагалось, разрешение у Кауфмана. Однако это обстоятельство не принималось в расчет, и свет стал пережевывать очередную порцию лжи. Поговаривали, будто за столь самовольный поступок государь решил разжаловать Скобелева в солдаты. Слухи плодились и множились, создавая Скобелеву репутацию генерала сорви-головой. Она еще более утвердилась, когда Скобелев прилюдно дал отповедь одному из царедворцев, который посмел высказать в разговоре с ним сумасбродную истину, дескать, «война портит войска». Известно ли было изрекшему эту несусветную чушь, что война в Средней Азии заставляла жить офицера солдатской жизнью. Трудности были общими, и зачастую Скобелеву, как и другим командирам, приходилось делиться последним глотком воды, уступать свою лошадь больному, идти пешком в общем строю, а на привале спать рядом с солдатами у одного костра. И когда о каком-либо офицере говорили «туркестанец», то в это слово вкладывали глубокий смысл: значит, этот человек не трус, не дрогнет в любых обстоятельствах, всегда придет на помощь в трудную минуту, он любим и уважаем солдатами, то есть близок им, что по дворцовым меркам было более чем предосудительно. И уж совсем считалось верхом неприличия, когда подчиненные обращались к начальнику по имени-отчеству. Вот как вспоминает об этом капитан Михайлов. С первого знакомства Скобелев попросил «порезе козырять ему и называть просто Михаилом Дмитриевичем, а не господином полковником». А ведь это являлось полнейшим нарушением субординации. Но Скобелев сознательно пренебрегал ею, стремясь установить столь необходимое в бою взаимопонимание до того момента, когда загремят выстрелы.

После такого более чем холодного приема Скобелев чуть не решил подать в отставку. И лишь только чувство сознания необходимости принять участие в войне заставило его согласиться с назначением на должность начальника штаба в дивизию, которой командовал его отец. Но когда он узнал у генерала Милютин, кто именно назначен главнокомандующим Дунайской армией, то невольно вырвалось: «Не может быть!»

С чувством глубокого разочарования покинул Скобелев Петербург и, прежде чем отправиться в Кишинев, где располагался штаб Дунайской армии, заехал в Спасское.

...Скобелев хорошо помнил эту комнату. Еще ребенком он спал здесь и, приезжая, каждый раз останавливался в ней. Ему казалось, что не было ни грохота сражений, ни времени, ушедшего безвозвратно, а были лишь светлые юношеские мечты о будущем. Утром, когда

он проснулся, широкие полосы солнечного света пробивались в окна. Он долго стоял у окна. Там, за расстилавшимся в долине туманом, виделась ему другая земля.

Несколько дней в Спасском пролетели быстро. И вот уже резвая тройка мчит Скобелева на станцию. Позади остались сотни верст пути – и он уже в Кишиневе. Сразу бросилось в глаза: для такого небольшого города на улицах много военных. Ну что ж, значит, война близка. Представившись главнокомандующему, Скобелев сразу почувствовал, что дух Петербурга, то есть дух неприязни к нему в верхах, царит и здесь. Скобелев оказался в обстановке, отличной от среднеазиатской. Его, боевого генерала, участника многих сражений, окрестили победителем «халатников». Среди приближенных великого князя нашлись даже такие, что высказывали прямо в лицо, что, мол, ему «следует позаботиться заслужить отличия, украшавшие его грудь». И Скобелеву часто вспоминался разговор с Кауфманом, происшедший незадолго до его отъезда.

– Из тебя может выйти великий полководец, только...

– Только что? – перебил Кауфмана Скобелев.

– А то, что не дадут тебе, душа моя, ходу. Слишком ты талантлив и слишком прямо ко всему приступаешь. У нас ты до седых волос должен исполнять чужие глупости, а потом уже получить право приводить в исполнение свои. У нас не хотят понять одного, что Наполеоны, как подчиненные, никуда не годятся. Им надо давать простор и ответственность.

Чиновные штабисты Дунайской армии прекрасно сознавали, что назначение «Скобелева-2», как теперь стали именовать Михаила Дмитриевича, в дивизию к отцу, явно не вызовет удовольствия ни у того, ни у другого. В штабе армии демонстративно дистанцировались от генерала и любые его деловые предложения отменялись с порога. Его обширные военные знания и многолетний боевой опыт остались невостребованными. И если Скобелев, натура живая, клопочущая энергией, проявлял инициативу, высказывал свое мнение, А. А. Непокойчицкий обрывал его: «Ступайте и сидите у своей палатки, пока я позову вас». «Этому мальчишке нельзя доверять и роты солдат», – ядовито шипели генералы, окружавшие главнокомандующего.

Скобелев глубоко переживал обстановку, сложившуюся вокруг него. В «мозге армии», каким во все времена считался штаб, распространился слух, что Скобелеву вскоре предложат отправиться назад, в Азию. Такой исход учитывая прямоту суждений «белого генерала», был весьма вероятен.

Но именно здесь, в штабе Дунайской армии, художник Василий Верещагин был представлен («к большому моему удивлению», как он пишет в своих воспоминаниях) молодому генералу Скобелеву:

«„Я знал в Туркестане Скобелева“, – говорю ему... – „Это я и есть!“ – „Вы?! Может ли быть, как вы постарели; мы ведь старые знакомые“.

Скобелев порядочно изменился, возмужал, принял генеральскую осанку и отчасти генеральскую речь, которую, впрочем, скоро переменял в разговоре со мной на искренний дружеский тон».

В ожидании войны

9 апреля в Кишинев прибыл царь. Все со дня на день ждали объявления войны. И вот наконец этот день настал. 12 апреля на скаковое поле были собраны для парада войска, расположенные в городе и поблизости от него. Царь приехал со свитой. Преосвященный архиепископ Хотинский и Кишиневский Павел зачитал манифест об объявлении войны Турции²². Беженцы-болгары горячими возгласами встретили последние слова документа, а царь, сидевший верхом, настолько был взволнован, что едва сдерживал слезы. После чтения манифеста состоялся торжественный молебен, а затем полки прошли церемониальным маршем. Александр II в сопровождении адъютантов стал объезжать войска.

Закончив объезд, император, оглядев плотные ряды воинов, взволнованно воскликнул: «Прощайте!» Но, почувствовав неуместность обмолвки, поправился: «До свидания. Возвращайтесь со славой. Да хранит вас Бог!» На следующий день об объявлении войны Турции знала вся страна. Манифест гласил:

«Всем нашим любезным верноподданным известно то живое участие, которое Мы всегда принимали в судьбах угнетенного христианского населения Турции. Желание улучшить и обеспечить положение его разделяет с Нами и весь Русский народ, ныне выражающий готовность свою на новые жертвы для облегчения участи христиан Балканского полуострова. Кровь и достояние наших верноподданных были всегда Нам дороги; все царствование Наше свидетельствует о постоянной заботливости Нашей сохранять России благословения мира. Эта заботливость оставалась Нам присуща ввиду печальных событий, совершившихся в Герцеговине, Боснии и Болгарии. Мы первоначально поставили Себе целью достигнуть улучшений в положение восточных христиан путем мирных переговоров и соглашения с союзными дружественными Нам великими европейскими державами. Мы не переставали стремиться в продолжение двух лет к тому, чтобы склонить Порту к преобразованиям, которые могли бы оградить христиан Боснии, Герцеговины и Болгарии от произвола местных властей. Совершение этих преобразований всецело вытекало из прежних обязательств, торжественно принятых Портой перед лицом всей Европы. Усилия Наши, поддержанные совокупными дипломатическими настояниями других правительств, не привели, однако, к желаемой цели. Порта осталась непреклонною в своем решительном отказе от всякого действительного обеспечения своих христианских подданных и отвергла постановления Константинопольской конференции. Желая испытать для убеждения Порты всевозможные способы соглашения, Мы предложили... особый протокол... Порта не вняла единодушному желанию христианской Европы и не присоединилась к изложенным в протоколе заключениям.

Исчерпав до конца миролюбие Наше, Мы вынуждены высокомерным упорством Порты приступить к действиям более решительным. Того требуют и чувство справедливости, и чувство собственного Нашего достоинства. Турция отказом своим поставляет Нас в необходимость обратиться к силе оружия... Ныне, призывая благословение Божие на доблестные войска Наши, Мы повелели им вступить в пределы Турции».

Как видно, манифест полностью отражал и настроение русского народа, и дипломатические усилия правительства в решении мирным путем восточного кризиса, и поэтому он был восторженно встречен всеми слоями русского общества. Европа же настороженно встретила известие о начале русско-турецкой войны.

---

²² В этот же день в Петербурге канцлер А. М. Горчаков вызвал к себе турецкого поверенного и вручил ноту с объявлением войны.

Для правильной оценки хода военных действий взглянем на вооруженные силы России и Турции, на Балканский театр военных действий и планы сторон.

Реформа военно-учебных заведений, о которой было уже сказано, являлась лишь частью коренных преобразований, неразрывно связанных с именем военного министра Дмитрия Алексеевича Милютин. Именно он, реалистично оценивая изменения, произошедшие в вооружении, в военной стратегии и тактике, в подготовке войск, выдвинул задачу создания армии массовой, способной вести боевые действия как в полном составе, так и отдельными группировками, сосредоточенными на важнейших стратегических направлениях. Новизна воззрений главного реформатора российских вооруженных сил не оставляла сомнений.

Происходил Д. А. Милютин из небогатых дворян. По окончании Благородного пансиона при Московском университете в 1833 году поступил на военную службу. В 1836 году окончил Военную академию. Служил в Генеральном штабе, в 1839–1845 годах – в войсках Кавказской линии и Черноморья. В 1845–1856 годах – профессор Военной академии. В 1856 году был назначен членом комиссии «для улучшений по военной части», в которую представил записку о коренной реорганизации армии. В 1860 году – товарищ (заместитель) военного министра. С 1861 года он возглавил военное министерство.

К чести Дмитрия Алексеевича, он не обособлял реорганизацию армии от плана обустройства России и, как здравомыслящий политик, понимал, что реформы не только изменят облик Отечества, но и вдохнут новые силы в русский народ. Незыблемыми даже при самых радикальных изменениях, помышлял Милютин, должны оставаться монархия, православная вера и готовность воинства российского положить живот свой за царя и Отечество. Милютин напрочь отметал слепое подчинение солдат, ратовал за их достойный быт, за обучение грамоте.

Чтобы пробить брешь в стене неприятя, Милютину пришлось взяться за перо. В своих трудах он настойчиво доказывал взаимосвязь политики и войны, «единство теории военного искусства с предметами наук политических». Многие из того, что непреклонно отстаивал военный министр, встречалось в штыки. Совсем не случайно, что Закон о всеобщей воинской повинности появился только в 1874 году, то есть через тринадцать лет с начала реформ.

В общих чертах смысл военной реформы заключался в следующем: упраздняясь рекрутская система комплектования, значительно, до семи лет, сокращались сроки службы, упор был сделан на улучшение подготовки офицерского состава, на изменение системы обучения войск. С величайшим трудом возрождался принцип обучения солдата тому, что ему необходимо на войне. Территория России делилась на четырнадцать военных округов, а дивизии сводились во вновь восстановленные корпуса. Это значительно упрощало управление и способствовало развитию инициативы высшего командного состава.

На бумаге все выглядело гладко, а вот на деле реорганизация армии, которую тормозил высший генералитет, шла чересчур медленно. Решать проблему обучения войск приходилось в постоянной борьбе с рутинерами. И поэтому велика была ценность трудов М. И. Драгомирова по вопросам боевой подготовки, воинского воспитания и тактики армии. В них он обосновал необходимость улучшения индивидуальной подготовки солдата, добиваясь от него самостоятельности действий на ратном поле, обстоятельно излагал и требования к офицерскому составу в умении руководить войсками в боевых условиях.

Военные действия в Средней Азии не могли показать степень боевой подготовленности войск ввиду ограниченности масштабов и относительной слабости неприятеля, значительно уступавшего в организации и вооружении. И только крупная война, как, например, война с Турцией, могла стать подлинным экзаменом результативности реформ Милютина и методов подготовки войск Драгомирова. Но даже такой передовой человек, как Драгомиров, еще не полностью отрешился от взглядов прошлого («пуля – дура, штык – молодец») и,

не полагаясь на мощь современного огня, рекомендовал по-прежнему выделять вперед в цепь только «восьмую часть солдат роты, а основную массу их использовать в сомкнутых строях». Такое построение казалось единственным, обеспечивающим дисциплину солдата, его повиновение в бою офицеру и якобы улучшавшим управление.

Если подготовка пехоты опиралась на печальный опыт Крымской кампании, то кавалерия и его не имела. Реорганизация конницы осуществлялась на ощупь, задачи, которые предстояло решать кавалерийским частям в бою, выглядели весьма неопределенно. А ведь современная война требовала от них не только высокой боевой выучки, но и умения решительно действовать в конном строю, совершать стремительные набеги и длительные переходы. Увы, такое многим регулярным частям, высшей мерой готовности которых было отменное умение гарцевать на парадах, оказалось не по силам. И только казачья конница, как и в былые времена, выглядела собранной и боеспособной.

По традиции, артиллерия русской армии представляла внушительную силу. Но и в подготовке артиллерии имелись серьезные изъяны. Недостаточно четко обозначились принципы сосредоточения огня, явно недооценивались возможности маневра. К началу войны артиллерия в русской армии имела значительное численное превосходство над турецкой, и это в какой-то мере компенсировало ее слабые стороны.

В 60–80 годах XIX века, по образному выражению Д. А. Милютин, возникла «несчастливая ружейная драма», смысл которой состоял в том, что русское военное министерство заказывало один за другим различные образцы ружей, но, не успев внедрить как следует один, прекращало выпуск, и предприятия приступали к другому. К началу русско-турецкой войны армия имела на вооружении три типа ружей. Соперничать по дальности и точности огня с ружьями, поставляемыми западными державами турецкой армии, могла лишь винтовка Х. Бердана – «берданка», которой было вооружено менее двадцати процентов солдат действующей армии.

Российское военное командование не располагало достоверной картиной состояния армии противника. Сведения о турецкой армии носили крайне противоречивый характер, и потому в высших кругах те, кто реально оценивал вооруженные силы Турции, оказались в меньшинстве. Характерна по этому поводу выдержка из дневника М. А. Газенкампа, который через несколько дней после начала войны сделал следующую запись: «Вообще, настроение у нас самоуверенное: все убеждены, что война кончится одним ударом и что к сентябрю все будем дома». И это ошибочное представление просуществовало до тех пор, пока русским войскам не пришлось столкнуться с противником на поле брани.

Что же в действительности представляла собой в то время турецкая армия? Высшие посты в ней занимали военачальники, чья личная преданность султану не вызывала сомнений. Генералы интриговали, стараясь выгородить перед верховным правителем свои военные дарования. Обстановку, царившую в высшем турецком командовании, очень точно обрисовал Иззет Фуад-паша в своей книге «Упущенные благоприятные случаи»: «Из всех офицеров... меньшинство правильно получили свои чины; большинство же было обязано ими протекции». Фаворитизм, каприз заменяли выбор и старшинство.

Султан опекал своих выдвиженцев, словно малых детей, но и те, из боязни потерять теплое местечко, действовали с оглядкой на своего благодетеля и строили козни соперникам. По сути, турецкая армия не имела военной доктрины, и в предвидении боевых действий генералы уповали на волю Аллаха и просчеты противника. Однако рядовой и младший командный состав турецких войск представлял серьезную силу. Солдаты отличались дисциплиной, жестокостью, выносливостью. Дух армии поддерживали муллы, неизменно подогревавшие ненависть к неверным.

Организационно турецкая армия перестроилась на основании закона, изданного в 1869 году, и делилась на кадровые войска, запас и ополчение. Основной тактической единицей

стал табор, практическая численность которого составляла от шестисот до шестисот пятидесяти человек, в кавалерии численность табора превышала немногим сто человек. Вооружение турецкой армии было в общем удовлетворительное. Большая поддержка Англии и Германии сделала свое дело: и по вооружению, и по количеству боеприпасов она несколько превосходила русскую армию. Поэтому вооруженные силы Турции представляли сильного противника и борьба с ними предстояла нелегкая. Скобелев, обладавший недюжинными военными познаниями и воинской интуицией, одним из немногих догадывался, что война с Турцией будет кровавой и жестокой.

К трудностям будущей войны можно отнести и сложные условия местности – серьезная водная преграда Дунай и значительный по высоте, а следовательно труднопреодолимый пояс Балканских гор. Эти преграды в большой степени усиливали возможности турецкой армии и поэтому расценивались как основные рубежи, на которых, вероятнее всего, следовало остановить русские войска. Балканский театр действий располагался в близости к тыловым базам Турции, чего нельзя было сказать о русской армии – тот же самый Дунай вследствие небольшого количества переправ служил препятствием для бесперебойного снабжения войск.

Переправа

До начала войны с Турцией русские дипломаты вели напряженные переговоры с румынским князем Карлом Гогенцоллерном (Румынским) – выходцем из известного немецкого княжеского рода, давшего Европе с добрый десяток правителей, – о пропуске русских войск через территорию Румынии, существовавшей как отдельное княжество, зависимое от Турции и платящее ей дань. С войной России и Турции Румыния связывала надежды на полное свое освобождение от Порты, и поэтому князь Карл подписал 4 апреля Конвенцию, по которой разрешался пропуск войск Дунайской армии через территорию княжества. В назначенный день 24 апреля войска Дунайской армии перешли границу и четырьмя колоннами двинулись через Румынию к Дунаю. Этот поход частей закончился 12 мая, и русская армия поначалу заняла почти семисоткилометровый участок левого берега нижнего Дуная от Браилова²³ до Черного моря.

...В нескольких верстах от железной дороги расположился небольшой зеленый городок Плоешти. На дорогах, ведущих к нему, – двигающиеся, отдыхающие в густой тени деревьев солдаты, скрипящие обозные повозки, толпы народа на улицах, среди прохожих много офицеров, щеголеватый вид которых говорил о том, что где-то поблизости находилась квартира главнокомандующего. Господа генералы ожидали приезда царя.

Царский поезд шел медленно, часто останавливался на станциях, на которых толпился народ. На одной из таких остановок встречать царя вышли ветераны многих войн с Турцией. На правом фланге стоял седой, как лунь, фельдфебель с многочисленными наградами на изрядно потертом мундире. Александр II, поблагодарив его за ратный труд, спросил, чего бы пожелал старый воин.

– Прошу принять меня снова на службу...

– Хорошо, куда же ты желаешь поступить?

– В отряд генерала Скобелева, – отвечал старик.

Так народное мнение, в отличие от официального, отдало предпочтение «Белому генералу», видя в нем будущего героя войны.

В Плоешти произошла встреча отца с сыном. Они долго не виделись. Дмитрий Иванович выглядел сущим казачьим атаманом. Окладистая рыжая борода, которая обрамляла лицо и низкорослый конь, с которым отец казался слитым, усиливали такое впечатление. В дивизии его звали Паша¹. Скобелев-1 знал это и не обижался. Соскочил с коня. Протянул руку. Обнялись.

– Ну что ж, значит, вместе.

– Значит, вместе.

О молодом генерале в дивизии уже слышали и интересовались, что он за человек. Любопытство вопрошавших было удовлетворено. Сведения, добытые о Скобелеве-2, свидетельствовали о том, что начальник штаба – храбрый офицер.

Вместе отцу и сыну удалось быть недолго. Казачью дивизию, которой они командовали, вдруг ни с того ни с сего расформировали и создали две отдельные бригады. Причина расформирования стала известна несколько позднее. Александр II имел двоих племянников, герцогов Лихтенбергских – Николая Максимилиановича и Михаила Максимилиановича, напросившихся в действующую армию, а так как все вакансии оказались занятыми, то пришлось поступиться двумя боевыми генералами. Скобелевы были «причислены к лику святых», то есть назначены в свиту царя. Но если Скобелев-1 смирился с таким решением: «Плетью обуха не перешибешь», то не в характере Скобелева-2 было находиться без дела

²³ Браилов – ныне город Брэила.

в главной квартире императора. В нее входило несколько сот чинов разного рода, и для ее передвижения с одного места на другое требовалось семнадцать поездов или триста – триста пятьдесят подвод. Затеряться среди такой массы немудрено. Скобелев-2 рассудил по-своему и договорился с М. И. Драгомировым, начальником 14-й пехотной дивизии, о своем зачислении к нему в ординарцы. Случай редкий: генерал-майор в роли ординарца у генерал-майора, но в том-то и дело, что Скобелев, даже находясь в этой скромной должности, хотел извлечь пользу – у М. И. Драгомирова есть чему поучиться, и он не стеснялся учиться, спрашивал, стремясь оказать посильную помощь.

Михаил Иванович Драгомиров встретил войну в пятидесятилетнем возрасте и оказался в должности, явно не соответствующей его военному дарованию. За его плечами осталась учеба в Дворянском полку, где долгие годы на мраморной доске отличников-выпускников красовалась его фамилия. Золотая медаль Николаевской академии Генерального штаба, которую он окончил в 1856 году, и поездка за границу для изучения военного дела стали первыми шагами к пребыванию в адъютантуре и получению профессорского звания.

За тридцатилетним профессором и заведующим кафедрой в военной среде прочно укрепилась репутация новатора в тактике, передового военного мыслителя, хранителя традиций. И не случайно Александр II прибег к услугам М. И. Драгомирова, пригласив его для чтения лекций своим сыновьям Александру и Владимиру. Великие князья шествовали по ступенькам военной карьеры уверенной поступью и вскоре обошли учителя: им было доверено командование корпусами. Так внутреннее несогласие с принципами обучения войск Драгомирова, а тем более «строго морального отношения к солдату-человеку» обернулось для него более чем десятилетним пребыванием в чине генерал-майора.

В отношениях со Скобелевым Драгомиров словно отбрасывал возрастную разницу в двадцать три года – Скобелев и Михаил Иванович хорошо знали и понимали друг друга. Жена Драгомирова вспоминала, что о любимом военном деле они говорили без конца, что вместе они были прелестны, понимали слова на лету, умели вовремя уступать друг другу.

Популяризатор наследия А. В. Суворова, отстаивавший «науку побеждать» применительно к современным условиям, М. И. Драгомиров решительно боролся с «наполеоновщиной». Ох, и доставалось Скобелеву от Драгомирова! «Да как же можно слепо копировать то, что творилось на полях сражений в начале века?! – горячо доказывал Михаил Иванович. – Не спорю, гениальное надо хранить, но и приумножать». Драгомиров предостерегал своих учеников от верхоглядства, от пренебрежительного отношения к противнику, убеждал, что успеха достигает тот генерал, который не чурается простого солдата, знает его душу.

Демократичный по взглядам Драгомиров сумел увлечь Скобелева своими идеями. И совсем не случайно он пренебрег официальным мнением и принял предложение боевого генерала, оказавшегося волей обстоятельств не у дел. Опасения гнева свыше, если и тревожили Драгомирова, то не в такой степени, чтобы они смогли заставить его отказаться от надежного помощника в лице Скобелева: новый ординарец трудился на совесть.

Он брался за любое начинание, лишь бы оно было полезным для общего дела. С его помощью размещались артиллерийские батареи. С несколькими гребцами Скобелев обследовал Дунайские острова, через которые позднее протянулся понтонный мост, а однажды перебрался на турецкую сторону и разведал расположение неприятельских батарей. Скобелев предложил переправить часть конницы вплавь и продемонстрировал, что такой вариант возможен. Однако из-за боязни, что многие лошади не выдержат столь трудного плавания, этот проект отклонили. Напрасно ему твердили об опасности подобных поступков. Всякая опасность придавала притягательную силу задуманному им. «Через несколько дней давно желанный бой, – пишет он в письме К. П. Кауфману, – есть надежда быть в первых при переправе. Молю Бога не ударить лицом в грязь...»

Где бы ни находился Скобелев – в Журже²⁴, в Би, в Зимнице²⁵, – он учился и читал беспрестанно. Одному ему известным способом Скобелев умудрялся добывать иностранные журналы и сочинения военных теоретиков. Неизменный блокнот хранил записи и практические выкладки, которые вполне могли пригодиться в ходе боевых действий.

Приближался день, назначенный для переправы через Дунай. По ночам, соблюдая меры маскировки, у будущего места переправы в районе Зимницы сосредоточивались войска. Для пущего заблуждения противника распространили слух о том, что форсирование состоится у Фламунды. Артиллерия в течение трех дней бомбардировала Никополь²⁶, располагавшийся в верховьях Дуная, и Рушук²⁷, находившийся в низовье реки. Все делалось для того, чтобы турки не обнаружили истинного места переправы главных сил русской армии. Первой предстояло осуществить переправу дивизии под командованием Драгомирова. И выбор этот вовсе не случаен: он хорошо знаком с теорией переправ, его перу принадлежал труд «О высадке десантов в древнейшие и новейшие времена». Но одно дело теория. Война порой ниспровергает своей жестокой практикой даже самые лучшие из них, но данный пример переправы русских войск через Дунай и по сей день является классическим, тем более, что незадолго до переправы русских войск Махмет-Али-паша поклялся султану в том, что «утопит русскую армию в Дунае».

14 июня вечером войска, предназначенные для переправы на турецкий берег, в совершенной тишине выстроились и спустили понтоны на воду. В 2 часа ночи 15 июня отплыл первый рейс. Ночь выдалась темная. Низко над землей плыли облака. Сильный ветер заглушал плеск весел. Через 45 минут понтоны причалили к берегу, и высадившиеся из них войска были встречены лишь одиночными выстрелами турецких сторожевых постов. Берег был крут и высок, но тишина и ловкость, с которой солдаты карабкались по обрыву, позволили без лишних потерь занять его и открыть огонь по турецким укреплениям у Систово²⁸, обеспечивая тем самым высадку десантов следующих рейсов. Подтвердились сведения о противнике, которыми располагало командование: около места переправы, непосредственно рядом с городом, у турок была одна бригада – семьсот человек и одна батарея, и у Вардена, в трех километрах от переправы находилось три тысячи триста человек с одной батареей. Правда, в Рушук, в шестидесяти километрах от Систово, располагалось свыше двадцати одной тысячи турок, а у Никополя, в сорока трех километрах от Систово, еще около десяти тысяч человек, однако эти силы могли прибыть к месту десанта лишь через сутки, что при нормальных темпах переправы (один рейс за два часа) заставило бы их вступить в бой со всей русской армией. Это еще раз свидетельствует об удачном выборе места для переправы.

После высадки десанта турки начали подтягивать войска от Систово и Вардена. Огонь турецких батарей становился все более яростным. Передовые части дивизии Драгомирова вступили в бой.

С третьим рейсом переправились начальник 14-й дивизии Драгомиров, Скобелев, штаб и адъютанты. Только отчалили от берега, как на лодку обрушился град пуль, полетели щепки, брызги обдавали людей, но, к счастью, переправились благополучно. На берегу шумел бой. В тумане сверкали огни выстрелов, слышались крики, команды. Драгомиров понял: что-то не ладится. К тому же не все части дивизии успели высадиться: сильное течение и ветер относили лодки южнее намеченной цели. В результате роты перемешались и управление подразделениями ослабло. И тем не менее плацдарм все расширялся. К девяти часам утра

---

²⁴ Журжа – ныне город Джурджу.

²⁵ Зимница – ныне город Зимнича.

²⁶ Никополь – ныне город Никопол.

²⁷ Рушук – ныне город Русе.

²⁸ Систово – ныне город Свиштов.

турки отступили повсюду. Дело могло считаться блистательно законченным, но еще на правом фланге шла яростная перестрелка, и Драгомиров, видя, что огонь турок наносит ощутимый урон наступающим на этом участке, отдал распоряжение приостановить продвижение. Ординарцы бросились выполнять поручение, но, видно, оно не дошло, под рукой никого не было, и тогда Скобелев обратился к Драгомирову:

– Хочешь, я пойду?

– Сделай милость, я тебе в ножку поклонюсь, – ответил Драгомиров, и Скобелев не мешкая отправился в самую гущу боя.

Как всегда, одетый в белый мундир, он шел не спеша в виноградники, где расположились цепи стрелков и куда турки направили весь свой огонь. Драгомиров наблюдал, как Скобелев, слегка пригнувшись, останавливается у залегшей цепи, дает указания, и вот линия стрелков выравнивается, огонь становится не беспорядочным, раздаются дружные залпы. Затем Скобелев поднял залегших в атаку, и противник оставил позиции.

Вот что писал в своем рапорте генерал М. И. Драгомиров: «С нашей стороны было немало подвигов беспримерного мужества со стороны как нижних чинов, так и офицеров... Не могу не засвидетельствовать также о великой помощи, оказанной мне Св[иты] Е[го] В[еличества] г.-м. Скобелевым, принимавшим на себя с полной готовностью все назначения, не исключая и ординарческих, и о том благотворном влиянии, которое он оказывал на молодежь своим блистательным и неизменно ясным спокойствием».

К двум часам дня основные силы русской армии переправились на турецкий берег. Город Систово был взят. По мере того как бой удалялся, из укрытий выходило болгарское население, стекались из соседних деревень люди. Болгары восторженно приветствовали братушек – русских солдат.

На другой день через Дунай переправился царь. На турецком берегу сводная рота грянула «ура», когда император со свитой сошел на берег. Тут же произошло награждение. Первым Александр II вручил орден св. Георгия III степени Драгомирову. В этот день он был щедр на награды: на груди великого князя-главнокомандующего засиял орден св. Георгия II степени, а у Непокойчицкого – III степени.

В окружении генералов Александр II сказал: «С малолетства сроднившись с армией, я не вытерпел и приехал, чтобы разделить... труды и радости».

Многие офицеры полагали, что целесообразнее было бы, если бы царь делал это, находясь в Петербурге. Страна на значительное время лишилась не только главного распорядителя судеб россиян, но и большей части людей, занимавших в государстве ключевые посты²⁹.

За самовольное участие в переправе великий князь устроил Скобелеву разнос и объявил выговор. Вот ведь как отзывались о нем в окружении брата императора: «...как человек ненадежен, обманет, продаст, оклеветает, чтобы лучше самому обрисоваться». Совсем по-иному о Скобелеве отзывался М. И. Драгомиров. «Если бы Скобелев был плут насквозь, то не стерпел бы и пустил бы гул, что удача этого дела (переправы) принадлежит ему, а между тем, сколько мне известно, такого гула не было. Нужно... сказать, что напросился он сам на переправу и я его принял с полной готовностью, как человека, выдавшего уже такие виды, каких я не видел; принял, невзирая на опасения, что Скобелев все припишет себе, и... не ошибся... Во всем этом он явил себя человеком весьма порядочным».

Может быть, показное геройство Скобелева было не столь необходимым, но ведь большинство офицеров и солдат дивизии Драгомирова приняли боевое крещение, и поэтому выдержка, хладнокровие и распорядительность Скобелева оказывали положительное воз-

²⁹ Вместе с Александром II на театр военных действий прибыли сын, великий князь Сергей Александрович, командир лейб-гвардии Преображенского полка, граф А. В. Адлерберг, министр двора и уделов, шеф жандармов Н. В. Мезенцов, военный министр Д. А. Милютин и др.

действие на еще необстрелянных воинов. Понятно и стремление Скобелева проявить себя – не век же ему оставаться в скромной должности ординарца. Существовал, правда, другой путь – интриги, не прекращавшиеся даже здесь, на войне, но это было не в его характере.

Поступку Скобелева дал высокую оценку не только генерал Драгомиров, но он попал и на страницы газет, поэтому главнокомандующему поневоле пришлось обратить внимание на Скобелева, но опять-таки прислушиваясь к ядовитому шипению окружавших его: «К чему эта рисовка, к чему? Он просто хочет показать, что недаром получил свои кресты».

Хорошее начало – не всегда половина дела

С переходом корпуса Ф. Ф. Радецкого, в состав которого входила 14-я дивизия, а за ним и других русских войск на правый берег Дуная война вступила в новую фазу – она стала совместной войной русских и болгар за очищение Болгарии от чужеземных угнетателей. За Дунаем русские войска продолжали наступление по трем направлениям – на запад, юг и восток. Западному отряду (около 35 тысяч человек) под командованием генерала Н. П. Криденера предстояло выйти на линию Никополь – Плевна и взять Плевну – важный узел дорог северо-западной Болгарии.

Войскам, наступавшим на юг, предписывалось овладеть горными проходами, связывающими Северную Болгарию с Южной, и в частности Шипкинским перевалом, через который шла наиболее удобная дорога на Андрианополь. Эту задачу поручили передовому отряду генерала И. В. Гурко. Он был энергичен, крут и пользовался авторитетом в армии. Малочисленному отряду (вместе с болгарскими дружинами двенадцать тысяч человек при сорока орудиях) предстояло действовать в отрыве от главных сил и решать важную задачу захвата перевала. К сожалению, несмотря на частные успехи, Гурко, теснимый превосходящими силами противника, задачу не выполнил.

В то время, когда генерал Гурко приближался к Шипкинскому перевалу с юга, с севера к нему спешил Н. И. Святополк-Мирский с частью сил, выделенных из корпуса Ф. Ф. Радецкого. Соединение двух отрядов намечалось на 5 июля, однако этого не произошло, так как передовой отряд все еще вел тяжелые бои у подножия южного склона.

Святополк-Мирский не знал об этом, но, выполняя поставленную задачу, начал фронтальную атаку перевала в назначенное время и понес тяжелые потери.

6 июля в штабе армии получили донесение. Князь Святополк-Мирский сообщал: «Согласно приказанию была начата вчера, 5 июля, атака Шипкинского прохода, но так как ожидаемый отряд генерал-лейтенанта Гурко в тыл туркам не вышел, то Орловский пехотный полк должен был отступить перед громадным превосходством в силах неприятеля, занимающего сильно укрепленные позиции. Орловский полк вел себя героически, но потерял до двухсот человек. Прошу подкрепления безотлагательно».

Главнокомандующий решил подкреплений не высылать, но вызвал к себе Скобелева и сказал:

– Поезжай, поправь дело.

И Скобелев поправил. Он скрытно сосредоточил три роты и утром 7 июля повел их в атаку при поддержке артиллерийской батареи и ружейного огня остальных рот полка. Перед такими решительными действиями турки не устояли и разбежались. В 2 часа дня Скобелев лично донес Гурко, что в укреплении на перевале турок нет.

Поначалу успешно развивалось наступление и на других направлениях. Западный отряд с боем овладел турецкой крепостью Никополь, в плен сдались семь тысяч человек со ста тринадцатью орудиями. Восточный отряд под командованием сына Александра II – Александра Александровича (будущего царя Александра III) сковал противника у крепости Рушук. Как будто оправдывались помыслы о легкой победе. По этому поводу находившийся в штабе Дунайской армии В. А. Соллогуб писал: «Совершалось нечто странное. Следование по Румынии не встретило никакого препятствия. Переправа через Дунай ознаменовалась почти ничтожной потерей. Теперь последняя естественная оборонительная линия Европейской Турции отдавалась без боя... Война как будто приближалась к концу. Упоминание о первых молодцах, перешедших Балканы, ясно свидетельствовало, что за первыми молод-

цами последуют вторые и что театр войны скоро перенесется к окрестностям Царьграда³⁰. Кампания обращалась в триумфальное шествие».

---

³⁰ Царьград – древнерусское название Константинополя. Ныне город Стамбул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.